

18+

Игорь Ривер

Ласточки

Игорь Ривер

Ласточки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66559032

SelfPub; 2021

Аннотация

В пехоте за тебя вся рота, за нею батальон, пушки, минометы, танки приданные, авиация... и все это работает, чтобы ты свою задачу выполнил. Тебя при выполнении могут конечно и убить, но специально задачу прикончить именно рядового Кирию не ставится. У снайпера все наоборот. Все, что перечислено – против него, а он или один, или с напарником. Разве что танки против них не пошлют, но все остальное только и будет ждать случая его ухайдакать. Хуже всего то, что рано, или поздно против тебя выползет такой же снайперюга и тут уж кто кого объегорит – тот и живой. Снайпер, которого обманули – мертвый снайпер.

Содержание

Баранья битва	5
Огненное крещение	11
Заградотряд	26
Закат в оптическом прицеле	36
Сталинградский заградотряд	48
Ласточки	54
Разведка идет в гости	63
Рекогносцировка	73
Ремонт ремонту рознь	84
Танкист-подводник	89
Этот мир несправедлив	94
Четыре сбоку	102
Чучело-хрючило	108
Щедрость русского танкиста	116
Послесловие	120

Игорь Ривер

Ласточки

Простите пехоте,
что так неразумна бывает она:
всегда мы уходим,
когда над землею бушует весна.
И шагом неверным,
по лестничке шаткой спасения нет...
Лишь белые вербы,
как белые сестры, глядят тебе вслед.
Не верьте погоде,
когда затяжные дожди она льет.
Не верьте пехоте,
когда она бравые песни поет.
Не верьте, не верьте,
когда по садам закричат соловьи:
у жизни со смертью
еще не окончены счета свои...

Булат Окуджава

Баранья битва

Кирию разбудил вкусный запах жарящегося хлеба. Он даже подумал, что это ему снится и что сон слишком хорош, чтобы просыпаться. Потом запах стал еще вкуснее, он понял, что ему не мерещится и открыл глаза.

В выбитые окна полуразрушенного фольварка, в котором обосновался их дозор, светило веселое мартовское солнце. Задача у дозора была очень простой: предупредить, если на ведущих к перекрестку дорогах появятся немцы, или кто-то из начальства. О немцах они должны были сообщить красной ракетой, а о начальстве зеленой, продублировав сигнал парой выстрелов. Ничего сложного. Двое спят, третий смотрит в бинокль. Вот только почему его не разбудили? И откуда этот запах?

Он поднялся, надел шинель, которой укрывался и перетянул ее ремнем. Потом поднял лежавший рядом с ним ППШ и выглянул в дверной проем.

– О! Проснулась наша Спящая красавица, – прокомментировал его появление сидевший у костра и что-то жаривший старшина. – Никак выспался?

– Дык это... – Кирия шмыгнул носом. – Сплю и чую: где-то жрут без меня. Чем это пахнет, Андреич?

– Тебе не все равно? Иди лучше, Петра смени. Он тебя

утром будить не стал. Сказал, что сам постоит.

– Ага, ладно. Сейчас. А чем пахнет-то? Опаньки...

Подойдя ближе, Киря наконец разглядел, что делает старшина. Тот жарил на саперной лопатке яичницу. Вот откуда шел запах.

– Нифига себе! Где взяли?

Старшина усмехнулся и ответил:

– Ты ночью снес! Я мимо шел – лежит яйцо рядом с тобой.

– Андреич, не гони!

– Я тебе хоть раз врал? Вон и Петька подтвердит. Эй, Петруха!

– Чего? – ответили сверху.

– Скажи, что яйцо рядом с Кирей нашли!

– Без базара! Рядом лежало.

– Слышал?

Киря удивленно хлопал глазами. Старшина раньше в подобных розыгрышах замечен не был, но яйцо, поджаривающееся на малой саперной лопатке, говорило само за себя.

– Ты проверь по карманам, может там еще есть.

Он действительно сунул руки в карманы шинели, но тут его взгляд упал на лежащую в углу белую курицу с отрубленной головой. Киря сразу все понял и рассмеялся.

– Ну, Андреич! Подколол...

– Заметил наконец? Курятник здесь "тридцатьчетверка" переехала, всех курей пехота переловила, а эта как-то уцелела. Пришла ночью к тебе и снесла яйцо. Петр ее заметил

и – штыком, а ты сопел в две дырки и ничего не услышал.
Петруха!

– О-у?

– Комм цу мир, делить будем. Киря, отвернись!

Поджаренное яйцо было аккуратно переложено с лопатки на кусок хлеба, накрыто вторым куском и этот бутерброд двумя взмахами ножа был поделен на три примерно равные части.

– Кому? – спросил старшина, указывая ножом на один из кусков.

– Мне.

– Ха! Прогадал. Кому?

– Тебе.

– Молодчик!

Кусок был самым большим.

– Ну, бери свой и топай на пост, а я этот подарок судьбы ошипывать буду.

Спустившийся вниз Петр двумя глотками проглотил свою долю и запил водой из фляги. Спать он не стал, а вытащил из кармана гимнастерки нитку с иглой, снял шинель и начал зашивать дырку.

– Курица – это еще ничего, – сказал он. – Вот у нас той зимой случай был, это еще до того, как я в этот полк попал. Мы тогда наступали на Сальск...

* * *

Калмыцкие степи ровные, как стол. Наступать по ним – одно удовольствие, если конечно идти по дороге и если танки есть. На танк забрался, встал, как суслик – и все видно километров на десять. Немцу никак не спрятаться, хоть ты весь бинтами обмотайся. Сплошной линии фронта нет, но зато если впереди высота, то можно быть уверенным: там у них опорный пункт. Сходу сбить вряд-ли получится. Не для того фриц окапывался, чтобы дать себя с налету сковырнуть парой танков. Торопыг, пытавшихся показывать подобные фокусы, похоронили еще в сорок первом году.

Значит надо разворачиваться, подтягивать артиллерию и, как говорится, начинать боевые действия. Лучше всего конечно попробовать противника окружить. Вот так и вышло, что два батальона стрелкового полка завязли, а третий, с приданной ему минометной и артиллерийской батареями и танковым взводом получил приказ вырваться вперед с тем, чтобы обойти обороняющихся немцев, перерезав им пути отступления.

Ночью по степи особо не побегаешь. Пришлось остановиться и заночевать в поле. Красноармейцу не привыкать, лошадам монгольской породы – тоже. Присмотрели подходящую балку, где кусты кое-как защищали от ветра, выслали дозоры, как полагается и расположились на ночевку...

– Товарищ старший лейтенант! Ракета!

– Чего!?! – Командир минометной батареи хлопал со сна

глазами, не понимая, чего от него хочет вестовой.

– Ракета! Немцы!

– Где!? Мать твою! Батарея, к бою!!!

Выбравшись на край овражка, старлей поднес к глазам бинокль. Километрах в двух от них двигалась какая-то сплошная серая масса.

"Пехота что-ли? Да их же там не меньше дивизии! Вот это мы попали..."

– Батарея! – заорал он, срывая голос на морозе. – Приготовиться к открытию заградительного огня. Прицел тридцать-двадцать, угломер...

Глядя на то, как солдаты суетятся вокруг минометов он мысленно похвалил себя за то, что вечером приказал подготовить огневую позицию.

– Огонь!

Мины ушли в небо и посреди серой массы блеснули разрывы. Волна приближалась. Минометы продолжали стрелять, но немцы оказались какими-то фанатиками, не пробовали ни залечь, ни окопаться, перли сломя голову прямо на огонь очухавшейся пехоты. Потом спереди донеслись крики и взлетела зеленая ракета.

– Прекратить огонь!

"Да что там у них!?"

Душа у командира батареи, что называется: ушла в пятки. Какое-то время он думал, что стрелял по своим и уже прикидывал, как живется в штрафной роте. Потом мимо него с

блеяньем шархнулись какие-то тени.

– Бараны, товарищ старший лейтенант! – закричал вестовой, азартно перехватывая карабин и снимая его с предохранителя.

– Сам вижу! Стреляй, мясо убегает!

* * *

Петр перекусил нитку и, критически разглядывая штопку, закончил рассказ:

– В общем, я столько мяса ни до того, ни после не ел. Пропасть, сколько их минометчики набили. Каждый в батальоне за спиной по барану тащил, а кое-кто и за собой на ремнях их волок по дороге. На привале дух от костров шел, как... Как не знаю, от чего. Неделю на перловку никто смотреть не мог.

– Можно сказать: дар Божий, – хмыкнул старшина.

– Во-во! Дар... Слышал, Киря!? Это тебе не яйца нести!

Огненное крещение

– А ты кем до войны был, Андреич? – спросил молодой солдат по прозвищу Киря, без нужды протиравший тряпкой пулеметный диск.

– Священником.

– Попом что-ли!?

– Да.

– А здесь как? Ваших ведь не берут, вроде.

– Берут. Но я добровольцем пошел.

Пожилой старшина затянулся в очередной раз самокруткой и передал ее по кругу. Самокрутка была толстой, махорки на нее не пожалели. Чего экономить? После боя покурить может уже и не придется, а бой предстоял страшный – это все понимали. Вчера немцы весь день грызли оборону перед ними, сегодня возьмутся за них. Немец – он такой! Его хлебом не корми, а дай чего-нибудь погрызть. Хуже было другое: с юга "солдатское радио" принесло весть, что и там немцы начали наступление. В окопе не мальчишки сидели, вернее: не только мальчишки. Понятно было, что если немцы давят с двух сторон, то значит пытаются в окружение взять. Как под Харьковом, в прошлом году. Оттуда мало кто выбрался.

– Первый раз вижу попа-добровольца.

– Так ты и воюешь-то еще первый месяц, салага!

Это сказал ефрейтор, пять минут назад подошедший на запах дыма. С ним поделились, конечно. Дело житейское. Сегодня ты нам на хвост сел, а завтра мы тебе. А может быть, и не будет никакого завтра... Но с другой стороны: может быть, и у кого-то из немцев этого самого "завтра" не будет? Не сорок первый год на дворе, когда он по свистку воевал. Буквально ведь, по свистку. У фельдфебеля стреляная гильза, он в нее дует, свистит и отделение делает перебежку. Снова свист – второе перебегает. Сзади, из-за цепи, лупит десяток пулеметов, да еще миномет накидывает. А у тебя – "трехлинейка" и три обоймы. Сейчас же они запасли и бутылок с бензином, и гранат, и даже пару противотанковых мин саперы оставили. Патронов – вообще валом. Пушкари левее в землю зарылись, минометы есть... Было, короче, чем встретить дорогих гостей.

– Сейчас, после Сталинграда, полегче стало. Фриц уже пуганый. Зимой-то им хорошо врезали, так что тебе, считай, повезло, что только нынче призвали.

– Да я ничего... Просто удивительно как-то.

– Чего же тут удивительного? – спросил старшина. – Место священника где? Там, где его паства. А паства на фронте, в приходе одни бабы остались. Таких, как я, не один и не два, только не звонят о себе, почем зря. Замполит не одобрит.

– Он про тебя знает?

– Конечно. Зачем мне скрывать?

– Расстрига, значит?

– Дура! – ефрейтор приподнялся, выглянул из окопа и снова сел на место. – Расстрига – это когда выгнали. Вот Гришка Отрепьев, к примеру, расстригой был. А он сам ушел.

– Ты бы, Петро, не высовывался так, – сказал старшина. – Мало ли, снайпер... Вообще-то я сан не складывал, но согласно Уставу духовному, имел право просить об этом. Греха в том нет. Осуждается, когда священник о сложении сана просит из страха, или по нужде, но если кто из епископов считает, что я из страха в военкомат пришел, то пусть сюда в траншею придет и о том мне скажет. С охотой приму епитимью, но пока я что-то никого из них здесь не видел.

Остальные рассмеялись. Им епископы на фронте тоже пока не попадались. Молодой сказал:

– А я вот в церковь не ходил. Вернее был там, только давно очень. Бабка носила, крестить. С тех пор ни разу.

Старшина махнул рукой.

– Это ничего... Даже если бы и не крещен – что с того? Про крещение огнем не зря сказано. Ведь что это такое? Это обряд, во время которого человек меняется, утверждаясь в вере своей. Вера важнее всего. Верь, что победишь. Большего, я думаю, никто не потребует от тебя.

За перелеском на востоке шла вялая перестрелка, иногда начинал молотить короткими очередями немецкий пулемет, а у них пока было тихо. Потом за речкой раздался громкий, но довольно быстро стихший вой. Киря аж подскочил.

– Что это!?

– Сиди ты спокойно. Чего испугался? – Петр придавил его за плечо к земле. – "Скрипуха" это. Миномет ихний реактивный. Не слышал что-ли ни разу?

– Не-а!

– Ну вот теперь знаешь, как он бьет. Осколков после него – не собрать, так что не высо...

Слитно, один за другим, на противоположном от них ска-те высоты ударили разрывы. Старшина посмотрел на взлетевшие в небо бревна, вздохнул и сказал:

– Прямо в блиндаж положил. Опять мне взводом командовать.

– Думаешь, хана взводному?

– Да кабы не ротой... Ротный-то там же мог сидеть. Петро, давай за пулемет, первым номером. Схожу, проверю. Если не вернусь, значит за командира пришлось побыть. Вот же падла! Этот шестиствольник теперь задаст нам по самое не хочу. Там овраг и видимо фрицы ночью его туда закатили, а мы это дело прощелкали. Теперь его не выковырять.

Он поднялся, поправил ремешок каски и пригнувшись побежал по ходу сообщения.

* * *

От блиндажа осталась глубокая яма, заваленная бревнами и землей. Двое знакомых солдат из первого взвода тупо

смотрели в нее, не зная, что делать.

– Ротный где? – спросил он.

Один из солдат молча показал на курящийся над бревнами дымок. Реактивная мина легла не прямо в накат, иначе бы тут ничего не осталось, а рядом, но этого как раз хватило, чтобы подбросить бревна, а потом обрушить их вниз.

– А Васильев?

– Там же. Бухали они ночью. И с первого взвода лейтеха там же был. Старшина им спирта притащил, вот и...

Все было понятно. Не вдвоем же с командиром второго взвода ротный день рождения праздновал? Наверняка всех позвал. Замполита подранило еще позавчера, так что рота осталась без офицеров. Андреич поднял руку, чтобы почесать затылок, но рука наткнулась на каску.

– Так... Ты – он ткнул пальцем в одного из солдат. – Где штаб полка знаешь?

– Ага...

– Чеши туда. Скажи, что первая рота осталась без офицеров и что командование принял старшина Козлов. А ты, – он показал на второго – давай, возвращайся в свой взвод, скажи там то же самое. Яковлев у вас замок, пусть командует, ему не впервой. Передай приказ: "Приготовиться к отражению атаки противника". Понял?

Тот часто закивал головой.

– Во втором взводе так и так я старший. В третий сейчас сам схожу. Все. Быстро!

Вокруг понемногу собирались солдаты, выбравшиеся из щелей и землянок. Андреич только сейчас понял, что ему с самого начала показалось странным. Пахло одеколоном. Ротный всегда после бритья смачивал им щеки. Совершенно фантастический запах мирной жизни.

Снова заревела "Скрипуха". Мины легли западнее, подняв огромное облако пыли в расположении первой роты. С нашей стороны ответили 82-миллиметровые минометы. Солдаты, не дожидаясь команды, снова разбежались по укрытиям. Концерт начался.

Андреич сплюнул и двинул в третий взвод.

* * *

С одной стороны: это было хорошо, что лейтенант, которого назначили три дня назад, все-таки уцелел. Значит офицер в роте все-таки есть и одному отдуваться не придется. С другой: лейтенант был самым настоящим мальчишкой. Прислали его вместе с тем же пополнением из маршевой роты, что и Кирию, три дня назад. Двадцать лет, ускоренный выпуск.

То, что ротный убит, он вообще не знал. Не сказал никто, а самому сбегать – не судьба. Когда Андреич просветил его на этот счет, лейтеха даже не сразу понял, что из этого следует. Командовать ротой? К такому его жизнь не готовила! Он и взвод-то получил совсем недавно. Понаберут молодых

в училища со школы...

Немцы к тому времени разошлись вовсю. Молотили по деревне в тылу и по обращенному к ним скату высоты. Залетало и сюда, на обратный. На головы то и дело сыпалась земля, но больше почему-то доставалось третьей роте. Может быть, они считали, что основной узел обороны именно там? А вообще-то артподготовка была довольно бессистемной. Лупили по площадям. Куда прилетит – туда и ладно.

– Ладно, лейтенант, не перди паром! – старшина хлопнул офицера по плечу и улыбнулся. – В полк я уже послал человека. Если добежит, то пришлют кого-нибудь. Если нет, то связи все равно нету и никто тебя ругать не станет.

– Комбат...

Старшина усмехнулся.

– Ты нашего комбата не знаешь! Его срандель танком с места не стронуть. Будет на НП сидеть и материться. Ты просто по сторонам внимательно смотри, командуй своими людьми и если из полка, или из батальона приползет кто – возьми его на себя и доложи обстановку. В первом и втором взводе мы с Яковлевым справимся. Главное сейчас – связь с полком, с минометами и с пушкарями, вот и займись ею, как старший командир. Минометчикам без корректировки огня работать никак нельзя.

– Так ведь и телефонов нету ни одного. Ладно, придумаем что-нибудь. Все равно из полка должны связистов пригнать.

– Давай. Я в первый взвод схожу, передам, что ты цел.

Заодно своих по местам разгоню.

Артобстрел прекратился как раз когда старшина добрался до окопов первого взвода.

* * *

С Ванькой Яковлевым Андреич знаком был не слишком хорошо. На самом деле звать Ванькой человека, воюющего почти год, вроде как и неловко, но больно уж у старшего сержанта вид был неказистый. Был он маленького роста, курносый, рыжий и казался моложе даже своих двадцати лет. С торчащими в разный стороны ушами тоже ничего сделать было нельзя.

Однако он был далеко не прост. Два ранения, служба в разведоте, из которой его по каким-то причинам выперли и недавно нашедшая его после госпиталя медаль "За отвагу" – все это говорило само за себя. Замкомвзвода из бывшего разведчика получился отличный. Он и на "Ваньку" не обижался, зато солдаты его слушались с полуслова. Умел "замок" с людьми разговаривать и если бы на то была воля бывшего священника, то он бы именно Ваньке отдал командование ротой. Но нельзя. Тот не согласится, да и как ни крути, а старшина сержанта старше.

Яковлев уже был в курсе случившегося и деятельно распорядился во взводе. Его солдатики разбежались по местам, подгоняемые матерными напутствиями. Услышав о том, что

в третьем взводе уцелел офицер, он довольно кивнул. Все-таки лишняя прокладка образовалась между ним и штабом. Он только и спросил у Андреича:

– Думаешь, на нас попрут?

– Не, на нас – вряд-ли. Вначале третью роту попробуют раздавить, там танкам пройти легче, потому и долбят сейчас по ним. Но нам от этого пожалуй что даже тяжелее, потому что нами потом займутся, а танки еще добавят.

– Согласен. Ударят в стык, выйдут к нам в тыл. Дальше – дело техники. Я уже послал одного из своих на батарею, предупредить. Им, правда, далековато, но... Ага, началось! Вон они.

За ручьем перебежали немецкие пехотинцы, выходя на рубеж атаки. Кто-то выстрелил по ним, хотя расстояние было не меньше километра и попасть можно было разве что случайно. Яковлев заорал в ту сторону, причем приличными словами в фразе были только предлоги и местоимения.

Андреич мысленно перекрестился и побежал по траншее в свой взвод, ставить оборону.

* * *

Час спустя исход боя еще не определился. На поле дымилась шесть немецких танков. Немцы в ответ разнесли полковые батареи 76-миллиметровых пушек по танками снова лезть вперед пока опасались. Зато их пулеметы старались изо

всех сил, а стоявшие вдалеке танки били из пушек по позициям, методично нащупывая пулеметные точки. Немецкая артиллерия перенесла огонь в глубину и понимая, что сейчас произойдет, старшина отправил два из трех имевшихся во взводе ручных пулеметов на запасную позицию, с приказом отсечь немецкую пехоту от танков, но не открывать огонь до самого последнего момента. Тут-то его и нашел лейтенант, командовавший третьим взводом.

– Связисты приползли, – проорал он, перекрикивая грохот боя. – Приказано держаться. У немцев резервов нет.

Старшина поморщился. Все-таки неприятно, когда тебя за идиота держат. Ну откуда в полку знать, есть ли у фрица, чем развить успех? Если бы к ним туда разведка ползала, то в ротах бы людей предупредили об этом. Дух повышают, не иначе! Вслух он сказал:

– А мы тут что делаем? Половины взвода уже нет и сейчас они полезут всерьез. У тебя как, пулеметов много?

– Два пока стреляют.

– Пусть приготовятся. Бронебойщикам тоже команду дай. Нужно будет поддержать третью роту. Атакуют обязательно ее, потому что позиции первой прикрыты оврагом, а на нас им нужно идти вверх по склону. Если они прорвутся, то обойдут и нас, и первый батальон. Но если мы у них танки выбьем, то считай, что продержались. Сегодня – продержались, ну а завтра – как Бог даст. С минометчиками связь есть?

– Была. Корректировщик у меня во взводе сидит. Я приказал пока огня не открывать.

– Правильно сделал. Самое важное для нас пехоту остановить. Без нее мы с танками справимся.

Лейтенант, пригибаясь, убежал по траншее, а немецкие танки наконец сдвинулись с места и медленно пошли вперед, перестраиваясь в "шахматный" порядок. Старшина машинально пересчитал их. Двадцать один. Очко.

* * *

– Откуда их столько повылазило!?

– Там же наши траншеи были. Они в них и сидели. Ну что, Киря? Готов?

– К чему?

– К тому... По крайней мере одну коробочку мы у них уделаем, если что.

Киря покосился на вещмешок с лежащей в нем противотанковой миной и парой гранат.

– Если они нам разрешат.

– Да куда они денутся? Но похоже, что Андреич прав был. На третью катят. Значит будем делать, что он сказал.

– Ага... Петь, а ты че спокойный такой?

Ефрейтор удивленно посмотрел на него.

– Чего мне волноваться? Карты сдали, пересдавать поздно, теперь только сыграть осталось. Трясет тебя, да?

– Есть немного.

– Меня в первом бою тоже трясло. Ничего... Два раза не убьют, как один умный человек сказал.

Он выглянул из окопа, оценил расстояние до немецкой цепи и вытащил из кармана портсигар. Еще оставалось время покурить, а заодно и порисоваться перед мальчишкой, доставшимся в напарники. Ну и не показать виду, что его тоже трясло – это тоже. Два раза не убьют, но и одного тоже никому не хочется.

* * *

В спину что-то давило и было темно. Вечер, что-ли? А почему стреляют до сих пор? Старшина окончательно пришел в себя и кое-как проморгался от попавшего в глаза песка. Танки были совсем близко, метрах в ста. Под гусеницей одного из них взлетела фонтаном земля и машина закрутилась на месте. Мина... Остальные продолжали продвигаться на окопы.

Батарея ротных минометов открыла огонь как раз вовремя. Хлопки выстрелов не были различимы в грохоте боя, но разрывы 50-миллиметровых мин ни с чем не спутаешь. Немецкие пехотинцы залегли, а шесть танков отделились от строя и пошли на высоту. Старшина успел крикнуть, чтобы готовили бутылки с бензином, в этот момент рядом грохнул взрыв и его впечатало в стену траншеи. Хорошо, хоть в

себя пришел быстро, но взвод успел окончательно потерять управление.

По лобовой броне идущего первым танка растеклось пламя. Кто-то поспешил с броском. Немец, не обратив на огонь внимания, наехал на окоп, крутнулся на нем, а потом пошел дальше. Не замечая, что из ушей течет кровь, Андреич нащупал в нише полузасыпанные набросанной взрывами землей бутылки с бензином. КС, самовоспламеняющиеся. "Пропустить над собой и поджечь" – легко сказать... Больше всего на свете ему сейчас хотелось забиться в щель и превратиться в таракана. Если сейчас немцы поднимутся...

Не поднялись! Заработал один из ручных пулеметов, которые он до того послал на фланги. Пользуясь моментом, старшина перебежал, приподнялся и одну за другой швырнул обе бутылки в проходившую мимо машину. Вторая угодила как раз туда, куда нужно – сзади, за башню. Несколько пуль выбили из бруствера фонтанчики песка совсем рядом и он залег, пытаясь сообразить, где можно раздобыть гранаты. Ведь готовили же связки, заранее готовили! Куда все растащили? Наверняка все осталось в ближних к немцам окопах. Подоженный им танк остановился. Откинулся люк, оттуда высунулся танкист в черной форме, сразу запрокинулся, получив чью-то автоматную очередь, повис на башне, свесив руки. Остальные машины продолжали уютиться траншеи на гребне высоты, поливая все вокруг из пулеметов.

И тут старшина не поверил своим глазам. От башни

одного из немцев веером взлетели ослепительные искры. Он зажмурился, потом посмотрел снова. Танк стоял. Через несколько секунд то же самое повторилось еще с одним танком. Он подумал, что снаряды прилетели откуда-то из третьего батальона, но потом заметил движение в разрушенной деревне в тылу. Там, почти неразличимые среди обгоревших стен, стояли две самоходки, "коломбины", многократно проклятые экипажами за бензиновые движки, слабую броню и открытые башни и столь же многократно благословленные пехотой за мощные 76-миллиметровые пушки и отличную проходимость. Сюрприз! Приятный для его взвода и очень неприятный для фрицев.

Еще один немец получил сразу два снаряда в борт. Из всех его люков и щелей рванулось пламя, башня подлетела вверх и упала обратно на погон. Взорвался боезапас. Последний танк, заметивший наконец опасность, быстро ушел за подбитый, развернул башню в сторону самоходок и начал ворочать пушкой. За ним мелькнула чья-то маленькая фигурка, под корму полетел зеленый сверток. Ударил взрыв. Танк осел задом в траншею и загорелся.

Только сейчас старшина понял, что не слышит ни звука.

* * *

Вечером, когда пять последних уцелевших немецких танков задним ходом убрались восвояси, они втроем собрались

в том же самом окопе, в котором сидели утром. Ефрейтор притащил три фляги со шнапсом, снятым с мертвых немцев. На боку у него болтался трофейный "шмайсер". Кирия взахлеб что-то рассказывал, но старшина конечно же не понимал, что. Наконец он сказал:

– Ты меня слышишь?

Тот закивал головой.

– Возьми две фляги, сбегай молодыми ногами в деревню к танкистам, отнеси им. Если бы не они...

Тот снова кивнул и убежал. Петр достал из кармана конwert и написал на нем: "Он танк подбил".

– Скажи лейтехе: пусть наградной напишет.

Старшина откинулся на стенку окопа и закрыл глаза. Водка приятно грела пустой желудок и ему чудилась вечерня в церкви, где он читал ектению, как это и положено, когда служишь без дьякона.

Заградотряд

Высунувшись по пояс из люка, старшина угрюмо изучал физиономию стоящего на дороге капитана. Он бы, может, и вообще не стал бы на него смотреть, а объехал бы по полю (как-никак он на танке, который как раз и приспособлен по полю ездить), но в сотне метров от дороги стояли две кое-как замаскированные "сорокопятки". Стволы пушек смотрели прямо на него и расчеты были на месте. С такого расстояния бронебойный снаряд прошел бы его БТ-шку навывлет.

Про себя он уже прикинул, что этот капитан с синими кавалерийскими петлицами никак не может быть немецким шпионом. Во-первых: невелика птица – старшина, чтобы на него диверсантов натравливать, а во-вторых: диверсант с собой батарею не потащит. Пушки ему, так подумать, ни к чему.

Он молчал, капитан тоже молчал, а потом старшина вспомнил, что на свете имеется Устав и согласно ему младший по званию при встрече должен первым приветствовать старшего. Он поднял руку к виску. Капитан кивнул и представился:

- Капитан Иванов, командир сводного заградотряда.
- Старшина Петров, старший по команде.
- Куда ведете танки, старшина?

– В ближайшую комендатуру, за указаниями. Мне нужно найти свою часть.

– Как же вышло, что вы ее потеряли?

Старшина вдруг понял, почему этот Иванов так странно, будто нехотя, выдавливал из себя слова. О попросту смертельно устал. Вон и глаза красные...

– Мы должны были получить танки после ремонта, погрузить их на платформы и разгрузиться на станции. Приказ я выполнил, но когда прибыли на место и разгрузились, полка там уже не было. Куда он ушел, никто не знал. Комендатура тоже была пустой, видимо уже эвакуировались. Мы с сержантом посоветовались и решили двигать в райцентр. Если и там никого бы не найдем, то хотя бы бензином разживемся.

Капитан кивнул.

– Понятно... Ну что же, старшина, вам очень повезло. Это я и есть – комендант города. Хотите знать, почему я здесь? Потому, что в городе идет эвакуация двух заводов. Чтобы закончить ее, нужно еще три дня, включая этот. У меня есть приказ командующего армией подчинить себе отступающие разрозненные подразделения, сформировать из них заградительный отряд и задержать немцев. Только что я довел этот приказ до вашего сведения. Он вам понятен?

– Так точно.

Действительно: чего тут непонятного? Приказ, в общем, был правильный. Если немца не задерживать, то он до Урала дотопает, вот только чем задерживать-то? Боеприпасов в

танках не было. Капитан предугадал его вопрос.

– Снаряды возьмете у артиллеристов. Поделятся, у них есть. Бензин вон в том перелеске. Там три моих машины и кухня. На машинах ящики с патронами и бочки с горючим. Когда заправитесь, замаскируйте танки на опушке, чтобы их не было заметно с воздуха. Вообще-то вам очень сильно повезло, что погода пасмурная и немцы не летают.

Это и так было понятно, что повезло. Не каждый день вот так, на дороге, на обед наткнешься, а то, что повоевать придется – так на то она и армия, чтобы воевать. Подумав так, старшина скрылся в люке, но сразу снова вылез оттуда, держа в руке топор. Капитан удивленно смотрел, как он срубил под корень несколько молодых березок, растущих на обочине, а потом вместе с командиром второго танка привязал их у него за кормой. Потом понял.

– Следы замести? Молодцы, правильно. Я и не подумал об этом.

– Немец не дурак, – кивнул старшина. – Увидит, что следы в лес пошли, вызовет бомбардировщики, иди дивизионную артиллерию наведет и все... Поужинать уже не получится.

Кроме машин и кухни в роще оказалось еще около сотни человек пехоты. Сброд из разбитых, не успевших толком повоевать частей. Капитан здесь не зря на дороге стоял. Правда, на всех был всего один лейтенант и старшина прикинул, что под таким командованием они много не навоюют. Впрочем, с батареей пушек и двумя танками все не так уж безна-

дежно. Продержаться можно, тем более, что уже были выкопаны неглубокие окопчики, да и пехтура при виде их машин явно повеселела. Он отправил сержанта промышлять насчет еды, а сам взял еще трех человек и пошел за бензином.

* * *

– Да, поиздержались фрицы...

– Почему? – спросила заряжающий.

– У них в танковом батальоне должно быть семьдесят танков. В роте, следовательно, около двадцати. Я вижу шесть штук, а меньше роты они в бой обычно не посылают. И артподготовки не было, значит со снарядами проблема.

– Наступают, черти. Подвозить не успевают. Но шесть штук – тоже неплохо.

– Это точно...

Немцы появились рано утром, как и предположил капитан. Хоть и кавалерист, а в войне мужик разобрался. Немцы вчера заняли городок, в котором они выгрузили два дня назад свои машины, выспались, поднялись на рассвете, пожрали своей немецкой колбасы, погрузились и – вперед, "дрангах остен". Иди "вестен"? Черт его знает, как по-ихнему.

Что для мотопехоты и танков тридцать километров? Один-два часа.

Разведку на мотоциклах капитан приказал пропустить. Так и сделали, но один из мотоциклов свернул к их перелес-

ку, а второй остановился на перекрестке. Проверить решили, значит сами виноваты... С пятидесяти метров из кустов заработал "дегтярь", фриц кувыркнулся в канаву. Второй развернулся было, но и его достали очередь. Командир немцев сделал очевидный вывод и вот теперь танкисты наблюдали из замаскированных танков за тем, как его две немецких роты разворачиваются для атаки.

– Деваться им некуда, – прокомментировал старшина. – Южнее – речка, севернее – болото, а на дороге – мы. Однако, они нагло себя ведут. Без разведки, нахрапом... За это и поплатятся.

– Думаешь, отобьемся? – поинтересовался из башни заряжающий.

– Последний зуб поставлю, что отобьемся. Сейчас танки их вылезут на луговину, по ним отстреляются "сорокопятки", а когда они на пушки развернутся – тут и наша очередь придет. Это называется "огневой мешок". У меня, чтоб ты знал, первое место было в учебке по стрельбе. А ты никак боишься?

– Есть немного...

– Поправимо. Витя! – крикнул он командиру второй машины. – У тебя заначка есть, я знаю. Видел, как ты в городе бегал в магазин.

– Дык это... – сержант задумчиво посмотрел на затянувшие небо серые облака.

– Не "это", а самое время по-братски поделиться. Это нам

с тобой после Финской все по траки, а тут у людей первый бой. Давай, извлекай. По одной на экипаж – как раз наркомовские за два дня и получатся.

Сержант нырнул в люк и вскоре вылез обратно, держа в руках сверток, сделанный из старого комбинезона. Из свертка на свет появились две бутылки "Столичной". Старшина забрал одну, ножом скovyрнул пробку, отпил пару глотков и сунул бутылку в люк.

– По двести. Поняли?

– Ага!

– Быстрее. Немцы сейчас начнут. Закусон искать некогда.

Вернее было сказать: уже начали. За дальним перелеском заревели моторы и из-за деревьев показались танки с белыми крестами на броне. За ними поднялась цепь пехоты. С нашей стороны по ним пока никто не стрелял.

– Идите, голубчики... Идите... – прошептал старшина, забираясь в башню. – Сейчас мы вас сухарями накормим.

Хоть он и ждал этого, но первый выстрел "сорокопятки" ударил по нервам, как электрический ток. Капкан захлопнулся. Он приник к панораме, наводя орудие, а батарея тем временем лихорадочно расстреливала боекомплект. Один немец остановился, остальные сразу перестроились и теперь шли в сторону пушек. Пехота залегла.

В прицеле наконец появилась корма вражеского танка, старшина привычно взял упреждение и выстрелил. На броне немца сверкнула ослепительная вспышка. Танк еще шел, но

понятно было, что добавки не требуется.

– Бронебойный!

Второй выстрел. Промач. Немцы пока не понимали, что их расстреливают сзади. Старшина заставил себя успокоиться, прикусил слегка губу и третьим выстрелом таки попал еще в одного немца. Первый, в который он попал, тем временем задымился на ходу.

– Бронебойный!

Лязг затвора...

"Теперь только не спешить... Упреждение... Выстрел! Есть! Как там с остальными?"

С остальными все было в порядке. Витька не подвел. Все шесть стояли и по ним с противоположной стороны азартно лупили "сорокопятки". От рожицы вверх взлетела красная ракета. Старшина толкнул ботинком мехвода в спину, мотор взревел и танк, выкатившись из кустов, пошел к немецкой пехоте.

* * *

На следующее утро немцы попробовали еще раз, уже хорошенько подготовившись. Начали с артподготовки, но пехота к тому времени уже зарылась в землю всерьез, а деревья мешали разлету осколков. Опушку снарядами конечно перепахало, но больших потерь не было. Потом снова пошли в атаку пехота и танки и их снова отбили.

Для "БТ" за ночь отрыли капониры. Теперь можно было поставить танк так, что пушка была практически на уровне земли. Немцы потеряли еще три машины и снова откатились на исходные. Попытка обхода тоже не удалась. Видно было, как они вдалеке пытаются вытащить застрявший на болотистом лугу танк. К вечеру снова открыла огонь немецкая артиллерия и одним из последних снарядов у его танка покоржило ведущий каток. Нужно было доложить о том, что их бронетанковые силы уменьшились ровно на одну единицу. К тому же снаряды тоже были на исходе и старшина отправился к командиру.

– Где капитан? – спросил он у кашеварившего на полянке повара.

Тот показал в сторону натянутой между деревьями плащпалатке. Старшина подошел туда и охнул. Петров, голый по пояс и весь в крови, лежал на застеленной каким-то одеялом куче веток и пожилой санинструктор безуспешно пытался остановить кровь, текущую из рваной раны на левом боку.

– Видишь, танкист? – прошептал он. – Отбегался я, значит...

– Как же вы так?

– Вот так. Командовал, иначе побежали бы все. Слушай меня... Лейтеху, который командовал пехотой, убило еще утром. У артиллеристов тоже потери, больше половины людей. Их старлей тяжело ранен. По всему выходит, что ты останешься за главного. Ночью поднимешь всех и через рай-

центр уводит их на восток. Приказ мы выполнили, а еще один день нам все равно не продержаться. Раздавят.

– Что делаем?

– Сажай людей на машины, цепляйте две пушки, что остались целыми и ночью прорывайтесь на восток, к городу. По дороге будет МТС колхозная – там заправитесь. Довези раненых до санбата. Все ясно?

– Так точно.

– Документы у меня забрать не забудь... Да прямо сейчас и забери и пистолет тоже.

Он покосился на санинструктора и добавил:

– Отстань ты, ветеринар хренов! Не болит уже, значит все. Иди, помогай тем, кому можешь помочь.

* * *

Капитан умер четверть часа спустя. Стоявший рядом рядовой стащил с головы пилотку, вздохнул и сказал:

– Ну что, опять выходит нам разбежаться?

– С чего бы это? Я командую. Мы еще повоюем... Передай всем: сейчас ужин, пусть лопают от пуза, потому что когда завтрак будет... я не знаю, может быть послезавтра. Всех раненых погрузить на машины, собрать оружие. Ночью мы уходим.

Старшина повернулся к повару и крикнул:

– Эй, дед! Лопата есть?

Тот помотал головой.

– Я сейчас принесу! – сказал солдат и убежал.

– Мясом пахнет... Дед! Где мяса взял?

– Так лошадь-то убило, – ответил повар. – Чего добру пропадать? Пусть хоть люди досыта наедятся.

– Не расстраивайся. Живы будем – не помрем, а твою кухню мы к танку прицепим. Смотри веселей, старый! Жизнь продолжается.

Закат в оптическом прицеле

Немецкий снайпер свои огневые позиции обычно в глубине своей обороны устраивает. Не всегда, но чаще бывает так. У них снайпер – аристократ. Рядовой с офицерами за ручку здороваются. В наградах весь. Берегут его, кормят по расписанию, будят тоже вовремя, а не в ночь-полночь и за передний край не гонят. Ничего удивительного, если подумать. У них ведь снайперское дело еще со Второй мировой началось, даже еще раньше, когда они с французами воевали в прошлом веке. Уже с тех пор, значит, жить людям не давали, причем били с открытого прицела. Оптички тогда и не было ни у кого. Это сколько же патронов нужно спалить, чтобы так натренироваться? Сколько раз в холостую курок спустить? Ведь на одной практической стрельбе боевыми метко стрелять не научишься – это известный факт. Нужно научиться не просто винтовку правильно держать, но и курок спускать, не отвлекаясь от прицела на движение пальца, иначе будешь мазать, хоть ты тресни.

В общем, у фрицев снайпер пользуется почетом и уважением, в отличие от русского Ваньки. У нас как? "Умеешь стрелять? Отлично! Иди и стреляй." И Ванька идет стрелять, а чтобы подальше от начальства – выбирается вперед, за линию окопов. Снимет какого-нибудь фашиста, его накроют

минами и на этом все. Так оно и идет. Свои ребята с передовой помогут и огнем, и окопчик отрыть, но мало у нас людей с большим счетом. Очень мало.

Конечно есть такие, которых весь фронт уважает, которые наставления пишут – спору нет. Но пока ты сто немцев положишь... В общем, Киря, ты сам знаешь, что простого солдата у нас не шибко ценят. Ты, когда танк подорвал, тебе хотя бы медаль дали? Вот то-то и оно, что нет. Зато комбат, которого с НП полкового танком не вытащишь, весь в орденах и баба его, санинструктор из третьей роты – тоже с "Красной звездой" бегают.

* * *

– ...мне может быть и есть, что рассказать и чем поделиться, но меня никто на курсы снайперов почему-то не зовет.

– А ты бы не посылал замполита регулярно на три буквы – глядишь и позвали бы. Но ты не расстраивайся. Меня тоже забыли позвать.

Генка сказал это, не отрываясь от перископа, в который рассматривал передний край немцев. Сегодня они, вопреки своему обыкновению, расположились в траншее. На огневую не полезли. Петр приболел. Поползал, называется по росе... Глотать было больно, из носа текли сопли, глаза слезились и вид у него был неважнецкий. Двойная порция водки и сон под тремя шинелями в теплой землянке помогли, но до вы-

здоровления было далеко.

Поэтому и наблюдение вел напарник, и стрелять должен был он же, если неосторожный немец высунется. Но никто не высовывался и вообще было очень тихо. Даже пулемет на той стороне дал утром пару очередей и заткнулся, будто немцу надоело воевать. От этой тишины клонило в сон.

– В тыл бы сейчас... – мечтательно протянул Петр. – В баньку... Сразу бы болячка прошла.

– Ага. И пива литра три! – поддакнул Геныч.

– Ха-ха! Хорошо бы! Эх, знал бы ты, Генка, какое у нас в Севастополе пиво было... А какое вино! Пьешь и не пьянеешь.

– Ты там призывался?

– Да, в тридцать восьмом. Отправили под Тулу в учебку, а потом на Халкин-Гол этот сраный. Я там и научился стрелять как следует.

– Говорят, как фрицев забором, с японцами снова война будет.

– Может быть... Только ты забори его сначала. А-а-ап-чхи!!!

Солдат, сидевший в окопе неподалеку оглянулся на этот богатырский чих и рассмеялся.

– Петро, вижу немца! Снайпер.

– А-а-ап... Что? Где он!?

– У них в тылу три сгоревших избы. На средней. На печке. Присмотрись.

Петр, сразу забыв про чихание, и приник к перископу, шмыгая носом.

– Средняя?

– Да. Из-за трубы ствол торчит и плечо видно за кирпичами.

– Ты смотри, какой паршивец! Ловко укрылся, и маскхлат сажей вымазал, чтобы черное на черном не видеть было. Ты ствол винтовки разглядел?

– Ага.

– Давай тогда, делай его.

Геныч отодвинулся, приник к прицелу лежащей в амбразуре винтовки, несколько секунд целился и выстрелил.

– Попадание, – проконстатировал Петр.

– Ну дык пусть знает наших! – тот передернул затвор и полез в карман за патроном.

В следующее мгновенье кулак Петра вдруг с силой ударил его в бок, под ребра, а "трехлинейку" вырвало из рук и швырнуло вверх. Следом долетел приглушенный звук выстрела.

– Ты чего дела... Опа!

Геныч, потирая бок, смотрел на свою винтовку, ложе которой было расщеплено попавшей в него пулей.

– С тебя причитается! – сказал ему Петр. – Чуть-чуть он тебя не уделал. Пуля уже летела, когда я тебя отбросил.

– Что это было?

– Подловили нас. На печку положили куклу, замаскировали и стали ждать, когда ее заметят и выстрелят. Я в пери-

скоп-то гляжу: "маузер" вниз упал, а прицела-то на нем и нет! Ясно, что манекен. Ты в придачу еще и ошибся: сразу винтовку заряжать начал, подставился.

– Винтовка – все... Жаль. Пристрелянная была, царская.

– Да черт с ней! Вот почему у меня второй день сердце не на месте. Как будто в спину кто смотрит... На нас с тобой охота началась.

Он сел на земляную приступку, достал кисет и начал скручивать самокрутку. Увидевший это солдат сразу подбежал с довольным видом и тоже с интересом уставился на изуродованное оружие.

– Ну чего глядишь? – спросил его Петр. – Иди, передай всем, что немецкий снайпер работает. Пусть не высовываются.

Пальцы у него слегка дрожали, зато кашель и насморк прошли мгновенно.

* * *

– Вопрос в том, сколько их?

– В смысле? – не понял лейтенант, с которым они сидели в землянке.

Петр мысленно вздохнул, но виду не подал. Ответил:

– В том смысле, что на контрснайперскую работу по одному не ходят. Одна группа – это два человека: снайпер и наблюдатель. Первый номер и второй. Ну вот например, как

я с Геннадием. Против нас не меньше, чем двое (может быть и больше) и они уже несколько дней нас пасут. Из-за этого и фрицы притихли – чтобы своим не мешать. Мне бы сразу об этом подумать, но... задним умом медведь умен. Гена тоже ошибся. Во-первых: перископ не замаскировал. Его отметили еще вчера, окоп взяли под наблюдение, подложили приманку и как только он по ней выстрелил, по нему сразу отработали. Классика. Во-вторых: если из укрытия стреляешь, то сразу надо было от амбразуры отойти, тем более что я наблюдал за целью и сказал бы, если нужна правка, или новые цели появились. В любом случае сегодня место сменить нужно было, но мы поленились и вышло то, что вышло.

– Лень наказуема?

Петр кивнул. Лейтенант был прав: это за лень их сегодня чуть было не наказали. Ладно с выстрелом поспешили, тут любой бы поспешил, но второй раз с одного места стрелять – стыд и позор. Это он отвлекся, потому что заболел вчера и не заметь он в перископ, что на подающем "маузере" нет прицела...

– Что предпримете? – снова спросил лейтенант.

– Можно на другой участок откочевать. Но сколько он тут у вас людей настреляет – один Бог знает. Фриц мастер, это очевидно. Он явно за линией окопов сидел, я его высчитал по звуку. Между ударом пули и выстрелом прошло от две секунды. Пуля летит примерно в два с половиной раза быстрее скорости звука. Например скорость пули "мосинки" 860

метров в секунду. У звука 330 метров. Если пуля рядом с тобой впилась в землю, или вжикнула сверху, можно прикинуть, сколько времени прошло до звука выстрела. Если секунды считать умеешь, то можно количество секунд умножить на разницу скоростей и примерно оценишь дистанцию, с которой стреляли. Я этому фокусу научился, когда в учебке на стрельбище мишени поднимал. Теперь он автоматически получается.

– То есть две секунды... Получается, что пуля дистанцию 1000 метров пролетит примерно за секунду, а звук за три...

– Да. Не совсем точно, но я так и считаю: две секунды – это тысяча метров, плюс-минус сотня. Ну а траектория – это совсем просто. Я ведь видел, как винтовка летела.

– Неплохой выстрел. Прямо в бойницу засадил.

– Да, очень неплохой, даже с учетом того, что ветра не было. Там развалины по сектору, я смотрел. Позиций вероятных много, но стрелять оттуда далековато. Видимо он на свое мастерство понадеялся.

– Ладно, – сказал лейтенант. – Давайте-ка кофе трофейный заварим. Вода в котелке кипить.

Когда через пять минут все трое по очереди пили из котелка ароматно пахнущий коричневый какао (который лейтенант, никогда в жизни кофе до войны не пивший, так назвал по ошибке), зазвонил полевой телефон, стоявший в нише стены землянки. Лейтенант поднял трубку.

– Двенадцатый.

...

– Обсуждаем ситуацию, товарищ майор.

...

– Уже думаем.

...

– Так точно!

Он положил трубку и зло махнул рукой.

– Иди сюда и сам командуй, дурик!

– Комбат?

– Нет. Начштаба полка. "Уничтожить и доложить!"

– Придурок – что возьмешь? Как будто мы тут санаторий немцам устроили... Однако менять участок – не вариант. Давай, Гена, готовить "Гитлера".

* * *

"Гитлером" назывался манекен, одетый в гимнастерку с лейтенантскими погонами. Имя он получил за характерную косую челку и усики, нарисованные на голове химическим карандашом. Ночью его положили на одной из запасных огневых позиций перед траншеей. Геннадий остался рядом с ним, в неглубоком окопчике. Его же разбитой винтовкой манекен вооружили. Позиция была замаскирована, но маскировку сделали так, чтобы для хорошего наблюдателя она выделялась на местности.

Занявший ячейку в траншее, Петр мог прекрасно видеть

через перископ, как время от времени чуть шевелится ствол винтовки, которую подталкивал длинной палкой напарник, если бы смотрел в ту сторону. Солнце поднялось на востоке и пошло по небу, грея спину через ватник. Следом медленно ползли тени на нейтралке. Свистели птицы, пользуясь случаем. Немцы вели себя тихо, не стреляли, значит охота продолжается.

Геныч уже должен был начать подталкивать манекен, имитируя усталость долго лежавшего человека и осторожные попытки размяться. Судя по солнцу, пошел пятый час ожидания. Когда на часах будет двенадцать, сидящий в укрытии напарник потянет за веревочку, привязанную к спусковому крючку "трехлинейки". Та выстрелит. Если и этого будет недостаточно, то придется признать, что и тут немецкий снайпер их переиграл, не попавшись на приманку...

Он чуть было не пропустил вспышку. В стороне тоже хлопнул выстрел. Видимо, "Гитлер", в которого попала пуля, зацепил веревочку и винтовка выстрелила. Отлично! Немец сейчас должен быть уверен, что вывел русского из строя. Вдоль траншеи наметилась суета. Солдаты выглядывали наружу и пришлось крикнуть им, чтобы попрятались снова. Подбежал старлей, командовавший ротой. Спросил:

– Ну что!?

– Видел его... Есть курить? Я с рассвета не смолил. Нельзя курить перед стрельбой и при наблюдении. Табак зрение ухудшает.

– Где он? Сейчас с минометчиками свяжусь.

– погоди, не спеши... Не надо пока. Ты его первой миной не шлепнешь. Обстрел начнется, он уползет. Там наверняка ходов нарыто по самое не хочу. Сменит лежку и ищи его потом... Надо, чтобы наверняка. Так есть курить?

– Да я не курю.

– Ладно, тогда я свой.

Он посмотрел на солнце, прикидывая, где оно зайдет и как лягут тени. Ещё раз глянул а перископ, усмехнулся и начал скручивать самокрутку.

* * *

Лучшей позицией для его замысла оказалась, как ни странно та, на которой сейчас лежал "Гитлер", так что Петр попросту прополз в окопчик к Геннадию, благо ползти было недалеко. Тот расположился с комфортом. На дне окопа лежала банка из под тушенки, а съевший ее дремал, прислонившись к земляной стенке.

– Трибунал проспишь! – сказал Петр, глядя вниз.

– Я слышал, как ты ползешь. Отметил его?

– Да. Но стрелять пока нельзя.

– Что так?

– Я видел, где он, но там наверняка укрытие. Немцы любят себе доты оборудовать, а там ещё и кирпича битого хватает. Достать сложно будет. Но есть вариант...

– Расскажи.

– Солнышко, если отсюда смотреть, будет садиться как раз за его лежкой. Подсветит сзади и я его увижу.

– Понял. Поспишь?

– Хорошая мысль...

Геннадий разбудил его вечером. Петр осторожно подполз к "Гитлеру" и поймал в прицел чердак дома с выломанной нижней доской. Отличная позиция, если хорошо умеешь стрелять. Сектор обстрела – градусов сто, вся линия обороны – как на ладони. Сложи стеночку из кирпичей и щелкай русских. Только одно немец не учел: в лучах сильного и далекого источника света с параллельными лучами, такого, как солнце, или луна, твоя тень будет видна наблюдателю даже с десяти километров. В дом давным-давно попала мина. Вся задняя стенка в широких щелях, сквозь которые проходят лучи света, к тому же выбит кусок стены.

"Лежишь и ждешь, не блеснет ли где-нибудь отражение в линзах прицела, или бинокля? Может быть, ты даже сейчас видишь меня, но думаешь, что я мертвый..."

Теперь на фоне огромного, багрового солнца Петр видел голову немца совершенно отчетливо. Даже разглядел тусклый блик от лучей заката, прошедших сквозь его оптический прицел, когда тот отодвинулся, давая отдых глазам.

"Мы с тобой сейчас как две кобры, фриц. Видел таких змей? А я видел. Один раз. Видел, как она на хвосте стоит. Смотрит тебе в глаза и ждет, когда ты сделаешь ошибку. Отвлекись, моргни – и бросок! Меня закат конечно слепит, но не настолько, чтобы стрелять нельзя было..."

Он плавно надавил на спусковой крючок.

"Зря ты со мной связался, фриц. Закат сегодня красивый, верно?"

Сталинградский заградотряд

Ночь пахла пылью и дымом. Маленький костерок в разрезанной пополам железной бочке больше дымил, чем грел, но людям, спящим на брошенных у стены досках, это не мешало. Их вообще трудно сейчас было чем-то потревожить. Дым? Какие мелочи! Стрельба неподалеку? Ерунда... Не орут: "К бою!" – значит не наше это дело.

Ну а кирпичной пылью в городе, отбивавшем штурм за штурмом уже которую неделю и в котором не осталось ни одного целого дома, было пропитано все. Она забивалась в стволы и затворы автоматов, оседала в лёгких, лезла в глаза и окрашивала кожу и форму в красно-серый цвет, не делая различий между нашими и немцами.

Время от времени дремавший у огня дежурный мычал что-то сквозь дремоту, вскидывал спросонья голову, озирался по сторонам и подбрасывал в огонь пару обломков. Дым вытягивало в соседнюю комнату, в пробитую снарядом дыру в стене. От завешанного шинелями входа тянуло сквозняком.

Услышав хруст битого кирпича под подошвами сапогов, дежурный встрепенулся, подхватил лежащий на коленях трофейный "шмайссер" и хрипло буркнул что-то, немного напоминавшее "Кто идёт!" Лежавшие зашевелились, нашу-

пывая лежащее рядом оружие, но никто толком не проснулся. Зачем? Если там немцы, то это всего лишь ещё одна схватка, одна из многих. Летящие с обеих сторон гранаты, короткие очереди, мат на двух языках, причем далеко не всегда по-немецки матерятся именно немцы. Известное дело. фриц – человек культурный и если русский ругается на понятном ему языке, он слегка теряется. Но немцы так не ходят. Отучили их ходить по нашей земле по-хозяйски, хотя и самим при этом кое-чему научиться пришлось. Например чуют опасность и не просыпаться без необходимости.

– Свои! – тихо отозвались снаружи.

– Кто "свои"? – прокашлявшись, спросил дежурный.

– Не узнал что-ли? Семён я.

– Богатым будешь. Кто там с тобой?

– Пополнение прислали.

– Правда, что-ли? Никак про нас в штабе кто вспомнил?

Ну, заходи тогда, не стесняйся. Только капитана сам буди.

– Я уже не сплю, – негромко сказал один из лежавших, приподнимаясь и перекидывая поудобнее свой ППШ. – Сколько времени, Егор?

– Четыре. Светает уже. Скоро немцы зашевелятся.

Занавеска откинулась. Вошли двое. Один – выставленный на ночь часовой, второй – офицер в каске. На петлицах в свете разгорающегося пламени тускло блеснули эмалью "кубики". Старший лейтенант был ещё совсем новеньким, не запылившийся, не обожженный Сталинградом, как те, что

спали здесь.

– Капитан?

– Угадал... – капитан закалялся, сплюнув забившую гор-
тань пыль. – Слушаю тебя.

– Старший лейтенант Ложкин.

– Ну и что?

– Прибыли вас сменить.

Капитан кивнул.

– Зер гуд. Давно пора.

– Только почему капитан? Здесь должен командовать
старший лейтенант Кашин.

– Верно. Должен был... Курить есть, старшой?

– Не курю я.

– А пожрать?

– НЗ офицерский.

– Давай сюда. Эй, папуасы, подъем! С котелками на по-
строение.

Лежавшие зашевелились. Капитан трофейным эсэсов-
ских кинжалом мгновенно вскрыл жестянку, запустил туда
ложку, отправил в рот немного студенистой жирной массы и
пустил банку по кругу.

– Не удивляйся, старшой, – сказал он. – Кормежка была
последний раз позавчера. Старшину моего подстрелили, так
что у нас тут все поровну. А про лейтенанта я тебе могу ска-
зать, что мертвые не командуют.

– Убит?

– Типа того... Тебе что, не сказали, кого ты меняешь?

– Штрафную роту и заградотряд.

– В общем-то верно... – капитан кивнул и начал шарить по карманам.

Вытащив пачку трофейных сигарет, он вытащил одну, прикурил и продолжил:

– Верно. Штрафную роту, которой уже нет. Было больше трехсот человек, плюс мои бойцы. Остались вот эти десять и еще в соседнем подвале десяток. Ну и наблюдатели, конечно. Караулить приходится. Иногда у немцев бывает ночью настроение поползать. Ты как сам? Воевал?

– Нет.

– Ерунда, разберешься. Мои ребята все покажут. Шинель смени на солдатскую. У фрицев тут снайпер работает. Мы его вроде бы подстрелили, но уверенности нет. Видел там на перекрестке самоходку немецкую горелую?

– Видел.

– Тоже наша работа. Вот он под ней сидел. Семен, тот что вас привел, его заметил и – из пулемета, но попал, или нет – проверять не полезешь. Ладно, пойдем. Поясню обстановку.

Они вышли из подвала, поднялись по полузасыпанной обломками лестнице (складывалось впечатление, что часть из них притащили сюда специально) и вышли на второй этаж того, что когда-то называлось домом. Было уже довольно светло.

– Вот мой НП, – сказал капитан. – Место открытое, но в

том-то и дело, что стрелять по нему неоткуда. От мин стена прикрывает, а из стрелкового палить – самому подставиться надо. Смотри. Видишь перекресток? Вот из-за него вся морока. Проспекты широкие, отлично простреливаются, так просто не перебежишь, а даже если перебежал – все равно укрыться негде. Сверху граната летит – и готово. Эти три дома, которые буквой "Г" стоят, сейчас – крепость. Стены толстенные. Мы взорвали все подъезды, кроме одного. На оконных проемах стоят решетки и мы их дополнительно заложили обломками. Взять нас здесь можно только из пушки, а для этого ее надо выкатить на прямую наводку, чего мы не позволим. Самоходка, о которой я говорил, стоит слева, отсюда ее не видно. Учти, что если немцы пустят танки, то только там. По другим улицам не пройти. Но это уже дело бронбойщиков – сверху их отоварить.

– Понял...

– Неделю назад та сторона тоже нашей была, но немцы нас выбили. Не конкретно меня, а того старлея, которого ты ожидал здесь встретить. Его рота побежала, наткнулась на мой заградотряд. Я их остановил, мы контратаковали и выбили фрицев за проспект. Вернее, не выбили, а перебили. Не ушел никто. У меня под командой после атаки осталось под сотню человек, из них половина раненых. С тех пор держимся. Теперь ты держаться будешь.

– А штрафники? – спросил Ложкин.

Капитан покачал головой.

– Штрафников больше нет. Тех, что остались в живых, я включил в свой заградотряд, потому что согласно приказу имею право присоединять солдат из разбитых подразделений. Это я и сделал, под свою ответственность. Никаких исключений насчет штрафников в приказе не предусмотрено. Видел бы ты, как они немцев грызли, когда дорвались... Лопатки, приклады, ножи! Редко, когда выстрел. Ты насчет их командира спрашивал? Отвечаю: я его пристрелил. Он собирался аж к переправе отсюда сдернуть. И вот что я еще тебе скажу...

Порывшись в обломках шкафа, он вытащил оттуда фуражку с синим околышем.

– ...слушай меня внимательно. Слушаешь? Хорошо... Мы отсюда далеко не уйдем. Останемся в нашем старом расположении, вон в тех домах, ближе к Волге. – Он приподнялся и показал на восток, в дыру в стене. – Если твоя рота и ты вместе с нею решишь, что лучше будет отступить, то имей в виду: сзади тебя будут те ребята, из подвала, которые здесь неделю продержались. Мы вас остановим, я подчиню себе твоих людей и мы снова отобьем квартал. Только уже без тебя.

Капитан надел фуражку, проверил, ровно ли расположен козырек и спросил:

– Ты намек понял, Ложкин?

Ласточки

Спроси человека: "Как ты думаешь, какой самый главный солдатский подвиг в Красной Армии?" Он ответит: "Танк подбить, или там самолет..." – и ошибется. Танк подбить – это конечно тоже почетно, а самолет – тем более (вот только как ты докажешь, что это ты его сбил, когда там вся рота палила в небо из винтовок?) но главный подвиг заключается не в этом. Ты спросишь: "Тогда какой? Линкор потопить, что-ли?" Я отвечу. Слушай сюда. Главный подвиг – это нае... ну то есть обмануть своего непосредственного начальника.

Это я к слову сказал "солдатский". На самом деле для любого военнослужащего, в любой армии, это самое важное умение и смекалки со смелостью тут требуется не меньше, чем чтобы танк поджечь. Ротные врут комбатам, те – комдивам, комдивы вводят в заблуждение маршалов, а маршалы ездят по ушам товарищу Ста... ты знаешь, кому.

Тут ведь как дело обстоит? Если командиру не покажешь, что ты делом занят, причем полезным, то он тебе это полезное дело сам найдет. Траву, например, покрасить, или дров лобзиком напилить... Его специально в училище этому обучали. И продвигают у нас того, кто во-первых: умеет начальству очки втереть и во-вторых: не допустить, чтобы подчиненные то же самое проделали с ним. Почему? Потому, что

такой человек врагу тем более себя обмануть не даст, зато обманет его сам – тем он и полезен. В Красной Армии все врут всем, поэтому она непобедима.

Но есть одна категория военнослужащих, на которых это правило не действует. Знаешь, кто это? Нет, не повара. Это снайперы. Нет снайпера, который не мог бы провести кого угодно, потому что тут работает естественный отбор. В пехоте за тебя вся рота, за нею батальон, пушки, минометы, танки приданные, авиация... и все это работает, чтобы ты свою задачу выполнил. Тебя при выполнении могут конечно и убить, но специально задачу прикончить именно рядового Кирию не ставится. У снайпера все наоборот. Все, что перечислено – против него, а он или один, или с напарником. Разве что танки против них не пошлют, но все остальное только и будет ждать случая его ухайдакать. Хуже всего то, что рано, или поздно против тебя выползет такой же снайперюга и тут уж кто кого объегорит – тот и живой. Снайпер, которого обманули – мертвый снайпер.

В общем, тяжело так жить, Киря. А сейчас я тебе одну историю расскажу, пока горох варится. Было это еще до того, как я с Андрейчем, старшиной нашим, познакомился. Аккурат в сорок втором, до того, как меня контузило.

* * *

Восточный берег реки был не таким уж и высоким, мет-

ров восемь на первый взгляд. Петр подумал, что в кои то веки славянам повезло. Вся луговина на западном берегу просматривалась на километр, вот только толку от этого не было никакого. С такой кручи хорошо обороняться, а вот наступать... Вниз прыгать, что-ли? Нырнешь – не выырнешь. Но с другой стороны наступления вроде бы пока и не планировалось. После того, как немцы прорвались аж к Волге и к Кавказу, командованию было не до того.

Второй номер толкнул его в плечо, предлагая бинокль. Петр отказался, молча покачав головой. На зрение он никогда не жаловался, а если уж так нужно, то вот она, снайперка, под руками. В прицел глянуть недолго.

Окопчик, в котором они сидели, вырыли полковые разведчики для каких-то своих целей. С точки зрения снайпера позиция была никакой. Ни черта не видно. Ивняк, густо росший вдоль западного берега, загораживал позиции немцев и занятую ими деревню. Лезть на ту самую кручу был не вариант. Там все было пристреляно минометами и любое движение на гребне вызывало град мин, от осколков которых укрыться было попросту негде. Начать рыть там окоп означало заявить о себе открыто.

Наконец Петру надоело глазеть на ивы, он сел на дно окопчика и спросил:

– Давай покурим, что-ли?

Напарник кивнул, убрал бинокль в футляр и уселся напротив. Через минуту сквозь кусты поплыл махорочный ды-

мок. Бояться было особо нечего по той же самой причине: немцам сквозь заросли тоже нихрена не видать.

– Что скажешь, Геныч?

– Пустышка. Голый вассер, как у нас говорили.

– Согласен. Наверх лезть – самоубийство. Была бы зима, еще имело бы смысл. В снегу позицию вырыл, водой все вокруг полил, она схватится на морозе – пушкой не прошибешь. Засыплет тебя снегом, как медведя в берлоге. Лежи себе, постреливай... Здесь так не прокатит. Ближайшее место, откуда нормально стрелять можно, это то, где мы позавчера были. Но оттуда до них больше километра. Помнишь того фрица?

– Еще бы не помнить... Наглые они, спасу нет.

Два дня назад они попытались было начать охоту. Петр выцелил немца, выстрелил и промазал. Через реку, или озеро всегда стрелять бывает непросто. Немец, справлявший нужду в сторону русских позиций, чуть пригнул голову от свистнувшей рядом пули, погрозил кулаком и не спеша убрался в траншею. Пришлось сматываться и вовремя, потому что через пятнадцать минут кусты, в которых они сидели, уже корчевала немецкая артиллерия. Немцы тут давно пристреляли все, что только можно.

Про себя Петр обругал начальника штаба полка, которому не понравилось затишье на этом участке. Сказал: "У вас там немцы пешком ходят, как на курорте. Навести порядок!" Кому наводить? Петьке-ефрейтору со снайперкой. Как? По ме-

сту разберешься. Вперед и с песней! Он докурил самокрутку и посмотрел на обрыв, густо усеянный ласточкиными гнездами.

– Слышь, Геныч, у меня тут идея образовалась...

* * *

Не врет сказка, что солдат при нужде и из топора суп сварит. Задумка была очень простой: с высоты, из норок, которые ласточки нарыли на обрыве, деревня должна просматриваться великолепно. Значит нужно подкопаться туда, но только с другой стороны, из под земли. Сказано – сделано. За ночь снайперы и двое разведчиков вынули примерно три куба земли, подкопавшись под обрыв. Грунт в снаряжных ящиках подтаскивали к краю и скидывали в речку. Туда же вместе с песчаником отправились и пара гнезд. Потом теми же ящиками укрепили стенки получившейся "пещеры", еще один поставили в качестве упора для винтовки, чтобы можно было стрелять с колена, а его крышкой, покрытой дерном, замаскировали вход. При случае отсюда можно было и днем выбраться, ползком, незаметно для немцев.

Петр аккуратно расширил ножом прорытую ласточками нору, чтобы можно было нормально при целиться. Сектор обстрела получился очень узким, но зато он включал в себя деревенскую улицу, по которой то и дело проходили немцы. Стрелять он пока не стал. Нужно было присмотреться и по

возможности выцелить офицера, а таковых пока не наблюдалось. Или в домах сидели, или где-то там у них есть ход сообщения, который из "гнезда" не просматривался.

Он наблюдал, время от времени заглядывая в оптический прицел, ждал, но никого с офицерскими погонами так и не появилось. Зато обратил внимание на то, что немцы все-же опасаются появляться на открытых местах. Видимо уже извещены, что на их участке работает русский снайпер. Зря он тогда поспешил выстрелить. Ошибся, испортил охоту.

Сзади донесся храп. Второй номер времени даром не терял. "Солдат спит – служба идет" – поговорке столько же лет, сколько и армии. Время тянулось. Иногда в амбразуру залетали ласточки, удивленно смотрели на человека и с писком улетали снова. Генка проснулся и сменил его. Петр тоже немного подремал, потом продолжил наблюдение. Солнце уже садилось, когда он наконец сказал:

– Приготовься.

– Офицер? – встрепенулся напарник.

– Лучше. Машина с боеприпасами подошла. Ящики разгружают.

– Снаряды?

– Не знаю. Отсюда не понять, но в кузове бочка стоит.

– Бензин?

– Скорее всего. Что там еще может быть? Ты пристрелочные взял, как я просил?

– Взял.

– Давай парочку.

Пристрелочные патроны мало кто отличит от обычных. Вершинка пули у них красная, как у зажигательных, но маркировка "ПЗ". При попадании даже по фанере они дают яркую, видимую издали вспышку. Те самые "разрывные", которыми в сорок первом так любили пугать нашу пехоту немцы. Взрыв пули похож на выстрел и если обстрелять из пулемета поле, или лес за окопом, то противнику кажется, что по нему ведут огонь сзади. "Окружили! Обошли!!!" – и паника.

Убивает эта пуля тоже надежно, оставляя вместо входного отверстия дыру величиной с кулак, но стрелять ею трудно, потому что баллистика отличается от баллистики обычной пули. После начала войны их выпуск прекратили, но люди знающие успели сделать для себя запас таких патронов.

– Помнишь, что делать?

– Помню. На, держи.

Петр катнул в пальцах два нагревшихся от долгого лежания в кармане гимнастерки патрона, а напарник сдвинул немного в сторону крышку люка и прицелился из винтовки в склон холма, с верхушки которого они столь неудачно отстрелялись в прошлый раз.

– Готов.

– Давай!

Хлопнул выстрел. На холме блеснула яркая вспышка и в тот же момент выстрелил Петр. В прицел ему было прекрасно видно, как бочка в кузове "ганомага" превратилась в ог-

ненный шар. Пламя охватило машину, водитель выскочил из нее и отбежал в сторону.

– Ага! Запалил. Приготовься, Ген. Сейчас точно кто то из офицеров вылезет поглядеть, что творится.

– Всегда готов!

– Давай!

Снова хлопнули два выстрела. Вышедший на крыльцо дома офицер в высокой фуражке взмахнул руками и полетел на землю. Машину тем временем пламя охватило полностью. В кузове начали рваться оставшиеся там боеприпасы. Звуки взрывов долетели и сюда, к ним, отчетливо слышимые даже под землей.

Петр отодвинулся и сказал:

– Фиксируй. Второй дом слева, фриц валяется у крыльца. Машина горит.

На холме, где Геннадий обозначил вспышки, начали рваться мины. Немецкий наблюдатель не сплеховал, вовремя заметив выстрелы и минометная батарея изо всех сил старалась отомстить, обстреливая пустой склон.

* * *

Через два дня они повторили охоту, подстрелив еще одного немца. Потом получили приказ перебазироваться на другой участок, а через неделю Петр узнал, что в их "пещере" пехота после их ухода устроила наблюдательный пункт. Ви-

димо нашелся любитель покурить, или блеснуло стекло бинокля, но немцы просекли это дело, выкатили на прямую наводку противотанковую пушку и обрушили обрыв фугасными снарядами в реку.

Вместе с ласточками.

Разведка идет в гости

Хоть и не велик мороз, минус пять градусов, но все-таки третья неделя февраля – не май месяц. Петр, который успел изрядно продрогнуть, стянул с руки рукавицу, сунул руку за пазуху, извлек из кармана завернутый в газету сухарь и принялся меланхолично жевать. Сухарь разумеется, не газету. Выселок, за которым разведчики наблюдали со вчерашнего вечера, не подавал признаков жизни. Ни звука. Даже собаки не лаяли. Тишина стояла мертвая.

Допустим, у них скотину немцы конфисковали, а собак постреляли, но ведь и из домов никто не выходил. А люди там были, это точно. Солнце еще не взошло, но до разведчика время от времени доносило легким ветерком приятный запах струящегося из печных труб дыма, нисколько не похожий на вонь горелых пепелищ, на которые он немало насмотрелся за год на фронте. Дома, кстати, тоже были не слишком похожи на русские избы. Аккуратные, довольно высокие. Один – так и вовсе двухэтажный. Здесь, на Западной Украине, вообще все было другое. Немцы, отступали слишком быстро и уже не успевали разрушать все, до чего могли дотянуться. Сплошную линию фронта после того, как наши заняли Луцк, у них создать уже не было сил и оборона опиралась на сеть ошестинившихся стволами опорных точек.

Вот между такими шверпунктами и просочилась в темноте их разведгруппа. Пятеро разведчиков и радист сейчас сидели на другом краю леса, ведя наблюдение за дорогой, а трое "держали" опушку, прикрывая тыл. Из этих троих двое дрыхли в сооруженном на скорую руку укрытии, а третий как раз и глядел на аккуратные домики, пережевывая свой нехитрый завтрак.

Сзади тихо скрипнул снег.

– Нету там немцев, Андреич, – сказал Петр, не оборачиваясь. – Давно бы уже повылазили.

– Предлагаешь проверить?

Голос старшины был хриплым со сна, а усы были покрыты инеем.

– Ну так приказано же.

– Приказано, верно... Но куда спешить? Это и днем сделать можно, и вечером.

– Чего тянуть-то? На дороге ни одного свежего следа, а снег шел позавчера. Значит с тех пор никто туда не наведывался. Будь там фрицы – сейчас кухня дымила бы и обязательно кто-то из начальства проверить приехал. Давай сходим. Кирю оставим, прикроет из пулемета, если что. Может, пожрать найдем?

– Пожрать – это мысль хорошая...

Старшина негромко свистнул. Из под обшитых белой тканью одеял, которыми они накрыли неглубокую воронку, высунулась голова в шапке.

– Киря, комм цу мир!

Молодой солдат подполз к ним и старшина сказал:

– Слушай сюда! Мы пойдем, эту деревню проверим. Ложись за пулемет и не вздумай заснуть, а то знаю я тебя!

Киря зевнул.

– Да я чо? Я ничо...

– Ладно, карауль. Мы, чтобы это место не засветить, пройдем вдоль дороги, вон по той канаве. Видишь? Она как раз к лесу выходит. Потом с той стороны леса выйдем к домам.

– Ага, вижу. Снега там много. Потонете.

– Заметил, молодец. Но ты не заметил, как здесь ветер дует.

– Как?

– А так! Дуть он здесь может только вдоль дороги. С остальных сторон – лес. Вчера мы шли – ты часто проваливался? Нет. Это потому, что шли мы по насту. Здесь на наветренных склонах он плотный и человека на лыжах выдержит. К тому же оттепель была и места, где снег поплотнее, хорошо видно. Смотри и учись. Пошли, Петро!

Киря видел, как они в предрассветном сумраке пробрались между кустов, пересекли дорогу и скрылись в перелеске за ней. Он прикинул расстояние до деревни, проверил прицел у пулемета и черед десять минут уже спокойно дремал, время от времени открывая глаза и обводя глазами дорогу, деревню и лес за ними.

* * *

Дверь тихо скрипнула и приоткрылась, когда старшина дотронулся до нее стволом ППШ. Разведчики переглянулись. Петр отошел на пару шагов, и опустил на одно колено, подняв автомат к плечу. Андреич осторожно открыл дверь настежь, вошел в сени, еще раз обернулся на него и пинком выбил вторую дверь, ведущую внутрь. Изнутри донесся испуганный возглас, но ни стрельбы, ни паники не последовало. Старшина сунул приготовленную к броску гранату, из которой он не успел выдернуть чеку, в карман и вошел, поводя стволом автомата.

Внутри обнаружили две женщины: одна пожилая, вторая лет тридцати, державшая в руках обмотанный полотенцем большой чугунок, только что вынутый из печи. Увидев разведчика, она снова испуганно вскрикнула и уронила горшок на пол.

– Тихо ты! Всю деревню разбудила, – сказал Андреич, настороженно поводя стволом автомата.

Он заглянул в другую комнату, потом снова посмотрел на женщин и спросил:

– Немцы здесь есть?

В ответ полился поток каких-то непонятных фраз на смеси странно исковерканных польского и русского. Разведчик разбирал разве что одно слово из трех, но понял, что немцы были, ушли и их нет уже неделю (по крайней мере слово "тыждень" он для себя перевел именно так). Кивнув, он повесил автомат на плечо и подобрал с пола несколько горячих

вареных картофелин, выкатившихся из чугушка.

– Недолго валялись – значит не падали. Ауфвидерзеен!

Женщины синхронно закивали. Андреич вышел, махнул Петру рукой и они побежали обратно к лесу. За деревьями он присел, вытащил немного помявшуюся картофелину из кармана и отдал ее напарнику. Тот одобрительно хмыкнул и одним укусом оставил от нее половину, не озаботившись чисткой.

– С пола подобрал.

– Пофиг! Ну что там?

– Две бабы. Говорят, что немца нет уже неделю.

– Я же говорил!

– Что ты говорил, я помню... – старшина, задумчиво глядя в сторону деревни, вытащил кисет и начал набивать самкрутку. – Покурим?

– Спрашиваешь! И что тогда там не так? Давай уже, выкладывай Я тебя знаю.

– Там? Там, Петро, все не так.

– Ты объясни!

– Не спеши. Надо ведь и самому обдумать, что видел...

Они закурили и старшина продолжил:

– Чисто у них там очень и дом выглядит больно уж богато. Местные не так живут. Одеты тоже как на праздник. А во второй комнате кровать стоит застеленная. Аккуратная такая... Кумекаешь, к чему это?

– Гостей ждут?

– Я о том же подумал. И эти гости – не мы с тобой.

– Немцев, значит! Подстилки немецкие.

– Старая – вряд-ли, не надо так уж плохо о немцах думать.

А вот молодая – точняк. И пока мы сюда шли, пришла мне в голову одна мыслишка! Немец наверняка придет ближе к вечеру (если конечно придет!) и это будет непростой немец, верно? Вот мы его и захохотаем по-быстрому. Давненько я оберста не притаскивал из поиска...

* * *

Погода сыграла им на руку. После полудня пошел снег, а ближе к вечеру снегопад превратился в самую настоящую метель. Под ее прикрытием они снова выбрались к дороге, вырыли в снегу яму и заложили туда противотанковую мину (в вещмешке у разведчика много чего можно найти, если хорошо поискать). Расчет был на то, что вряд-ли немец придет на легковой машине. Скорее уж на грузовике. Либо он, либо водитель останутся в живых и группа возьмет языка. Но время шло, а на дороге никто не появлялся. Начало темнеть, снег еще усилился. На расстоянии десяти метров человека было не различить за пеленой и наконец Андреич злоскомандовал:

– Возвращаемся.

Петр меланхолично сплюнул, поднялся и первым побрел на лыжах вдоль опушки, собираясь выбраться на дорогу.

Они довольно долго шли след в след, та все не появлялась и наконец ефрейтор остановился и сказал:

– Кажись, заплутали.

– Сусанин хренов! – донеслось сзади.

– А че я? Снег же! В трех шагах ничего не видать.

– Ну и что теперь? Ночевать здесь из-за тебя?

– Наугад-то еще хуже может получиться... Пстой-ка!

– И так стоим.

– Принюхайся! Дымком тянет.

– Точно! Это с той деревни. Давай, поворачивай на ветер.

Они шли еще примерно полчаса, проминая свежий снег лыжами. Наконец Петр снова остановился.

– Забор...

– Ну так и выбей пару досок к чертям собачьим, не обходить же! У меня сейчас нос от холода отвалится.

Раздался треск. Две доски полетели в сторону. Разведчики сняли лыжи и пошли к дому, оставив их у забора. Стряхнув кое-как снег с валенок, Андреич перевесил автомат за спину, машинально сунул руку в карман и наткнулся на лежащую там гранату. Мысленно выругал себя за то, что не убрал ее утром в сумку, а потом, держа рубчатую "лимонку" в руке, открыл дверь и вошел в теплую комнату.

Сложно было сказать, кто удивился сильнее: он сам, потерявшая дар речи старуха, стоявшая у печи, или шестеро сидевших за столом немцев в черной форме. Их головы повернулись. Старшина встретился глазами с каждым, подумал:

"Эсэсовцы... Приплыли..." – шваркнул "лимонку" старухе под ноги и крикнул во всю глотку:

– ГРАНАТА!!!

Старуха заорала. В небольшой комнате после мертвой тишины ее вопль прозвучал, как сирена пикирующего "юнкерса". У немцев сработали рефлексy. Стол полетел на пол и они попрятались за него, спасаясь от взрывной волны. Зазвенели полупустые бутылки и стаканы, летящие на пол. Дверь в смежную комнату распахнулась. За ней обнаружился еще один немец, в кальсонах, но зато с автоматом в руках, из которого он сразу же дал очередь в сторону двери, где успел заметить мелькнувший маскхалат. Молодая девка, сброшенная им на пол, полезла прятаться под кровать и застряла. Наружу торчала ее роскошная задница. Старуха наконец заткнулась. На полу между ее ногами расплывалась небольшая лужица. Стало тихо.

– Was ist Los? – спросил автоматчик.

– Partizanen! – ответили из под стола.

– Verdammt!

Из под кровати доносился тихий скулеж.

* * *

Выстрелы Андреич услышал, но того, как пули пробивают дверь, уже не видел. Развернувшись, он буквально вынес на улицу Петра и побежал за угол, пытаясь перехватить авто-

мат. Не получалось. Ремень зацепился за что-то и не пускал. Оставив безнадежное занятие, он пролез через дыру в заборе, схватил лыжи и опять побежал, в сторону леса. Встав на лыжи, разведчики свернули раз, потом другой, вломились в кусты и упали на землю, тяжело дыша.

– Что это было? – наконец прохрипел Петр.

– Немцы. Шестеро.

– А ты?

– Гранату кинул.

– А они?

– Стрелять начали.

– А почему не взорвалась?

– Я чеку не сдернул.

Петр расхохотался.

– Ну и кто тут Сусанин, твою губернию восемь раз!? – спросил он сквозь смех.

– Да, глупо вышло. Но...

Вдалеке хлопнуло.

– Во! Мою гранату выбросили в белый свет. А это еще что? Танки, что-ли?

Рев заводящегося мотора спутать с чем-то было сложно. Летящий снег пробил луч света от танковой фары. Протарахтела пулеметная очередь, потом вторая. Пулеметчик лупил куда-то в сторону от них, свиста пуль слышно не было.

– Слышь, Андреич! А я понял, где дорога.

– Я тоже. В десяти шагах. Гляди, они сюда едут, пригнись!

Яркое пятно прошло мимо них. Самоходка, лязгая промерзшими траками, проехала совсем рядом, обдала вонью сгоревшего бензина и скрылась в темноте.

– Сейчас... – прошептал старшина. – Погоди... Сейчас...

В темноте блеснула яркая вспышка и до них с Петром долетел приглушенный метелью звук взрыва. Сработала заложенная ими днем мина. Рев мотора стих.

– Побежали, старшина! – сказал Петр. – В темпе. Надо радиста. Тут у них танки, это не шутка, сообщить нужно. Здесь они, по сараям стоят, а может и в землю закопаны. Экипажи не высовываются – вот мы их и прозевали. Прячутся, черти, наших караулят, а рядом дорога от Луцка.

– Да, пойдём. Но как же нам утром повезло ни на кого из них не нарваться?

Они поднялись, перебежали дорогу и направились сквозь снегопад в сторону "своего" леса, где недоумевал слушавший этот ночной концерт Кирия.

Рекогносцировка

Патрон, крутнувшись в пальцах, полетел в стоящую на земле каску, где уже лежало несколько таких же.

– Зачем выбрасываешь?

– Гильза мятая.

– Ну и что? Не выстрелит, что-ли?

– Выстрелит. Но когда порох загорится и эту вмятину изнутри выправит, металл ударит изнутри по патроннику и приварится. Патрон заклинит. Придется его выбивать. Под огнем.

– А-а-а!

– Вот тебе и "А!" Смотри.

Очередной патрон был засунут в дуло пулеметного ствола. Пуля вошла свободно и провалилась внутрь, закраина гильзы патрона уперлась в нарезы.

– Видишь?

– Ну и что?

– То, что ствол уже стерся. Пуля в нем гуляет и из-за этого точность падает. Старая у нас машинка, ствол меняли не так давно, но стреляем много, а чистить его тебя не заставишь. Механизм тоже не новый. Металл устал, патронник раздулся. Взорвется патрон – следом может и патронник порвать. Увидишь, что тогда будет. Эх, Киря!.. Учишь тебя, учишь, а

толку нет. Для снайпера главное – терпение, а для пулеметчика что? Аккуратность!..

* * *

"Не было печали, так черти накачали" – ну или в данном случае комбат. Прислал вестового, тот разбудил Геннадия и передал приказ: явиться в штаб. На вопрос: "Зачем?" – только пожал плечами.

Снайпер выматерился про себя. Стоит напарнику загреть на неделю в санбат – и ты в любой дырке затычка. "Сходи понаблюдай... Сходи, разведчиков проводи... Всю ночь ползали по лесу и весь прошлый день тоже, плюс половину этого дня. Не успели вернуться – сейчас еще что-то! Между прочим, зима на дворе, поспать в тепле всего два часа получилось, а время – вечер, темнеет уже.

Вот Петр, первый номер их расчета, себя умеет поставить. С ротным замполитом, было дело, поругался, так чуть в морду не двинул. Сказал: "Не пугай ты меня своим трибуналом! Меня немцы не напугали, а ты тем более не сможешь." Тот побежал к комбату, но и тот его тоже послал подальше, сказав, что если тот единственного в батальоне нормально-го снайпера тронет, то он, майор, замполита самого на нейтралку с винтовкой пошлет.

Он вздохнул и начал одевать валенки.

В штабе его уже ждали. Майор нетерпеливо махнул рукой

на его приветствие и сказал:

– Слушай внимательно. Вот корректировщик из дивизионной артиллерии. . . – он ткнул пальцем на сидевшего рядом с дверью блиндажа молодого лейтенанта. – Нужно обеспечить ему возможность пристрелять орудия. Найди ему место поближе к фрицам, с хорошим обзором и заодно присмотри, чтобы они его к себе не уволокли. На прошлой неделе случай был: у соседей спеленали наблюдателя – тот и пискнуть не успел. Только письмо нашли на дне окопа и карандашик сломанный. "Здравствуй, мама" – успел написать. Ясен приказ?

– Так точно, тащ майор!

– Тогда выполняй. Лейтенант, вот наш разведчик, следуй-те за ним – и отвернулся к печке.

Тот молча кивнул, поднялся и они вместе вышли из блиндажа.

– Как вас звать-то? – спросил Геннадий лейтенанта.

– Толик.

– Ну а я Гена. Солдаты Генычем кличут. Пойдемте, тащ лейтенант.

– Можно на "ты".

– Тогда пошли, Толик. Что в сумке?

– Сухпай выдали, на три дня.

– Совсем хорошо.

В свою землянку он возвращаться не стал. Зачем? "Все мое ношу с собой". Винтовка – вот она, патроны в нагрудных карманах гимнастерки, маскхалат на себе – что еще на-

до? лейтенант тоже весь в белом, его ППШ бинтом обмотать и – вперед, на запад. "Корректировщик из дивизии – видно что-то затевается..." – думал он, меся снег валенками. – "Стоп! А как он собирается связь держать?"

– Толик, а ты чем корректировать собрался? Ни телефона, ни рации.

– Пока надо место подобрать. Линию потом связисты кинут.

– Связисты... Засветят они нас немцам, эти связисты. Лучше нашим разведчикам поручить.

Они прошли по траншее, Геннадий перекинулся парой слов с сидевшим у стереотрубы ефрейтором и сказал:

– Ладно, Толик. Поползть придется. Тут недалеко, три сотни метров примерно. Но сначала – подготовиться нужно. Держи бинт, замотай свой ППШ. Сумку надо под маскхалат убрать. Рукавички есть? Теплые? Сейчас заползем на нашу огневую – до завтрашнего вечера уже не вернемся.

Тот кивнул и начал бинтовать автомат.

* * *

В сгущающихся сумерках они выбрались из траншеи, по обратному скату высоты скатились в ложбинку, скрытую от глаз немцев и по ней поползли, загребая снег, в сторону маленького лесочка, от которого почти ничего не оставила артиллерия и наведывавшиеся туда за топливом солдаты. Сза-

ди пыхтел и сопел лейтенант, которому так ползать явно было непривычно. Наконец, когда они подползли к небольшому холмику, засыпанному снегом, Геннадий повернулся и тихо спросил:

– Что-нибудь замечаешь?

Тот покрутил головой.

– Нет.

– Вот и немцы – нет. Наши солдатики отсюда частенько дрова по ночам таскают, аж канаву в снегу протоптали животами. На той стороне уже привыкли. Редко-редко парочку мин пустят для острастки. Часть ложбинки просматривается, поэтому ползают поздно вечером, в темноте. Как мы сейчас. Смотри...

Он взялся за две ветки, торчащих в разные стороны и потянул. В холмике открылся темный лаз.

– Давай туда. Там окоп, не упади!

Толик исчез внутри и снайпер последовал за ним. Внутри "берлоги" было холодно и абсолютно темно. Чиркнула спичка. Внизу, в глубокой нише, загорелся тусклый огонек свечи.

– Не увидят?

– Нет. Все дырки закрыты. Погоди... Сейчас совсем хорошо станет.

– В смысле?

– В смысле тепла. Где тут она? Ага, вот!

Геннадий выпрямился, держа в руках толстое довольно короткое полено.

– Подержи, Толян...

Лейтенант взял полено в руки и недоуменно смотрел, как тот подносит свечу снизу. Потянуло дымком.

– Готово, загорелось. Ставь его в нишу.

Теперь он разглядел, что полено состояло из четырех долек, скрученных вместе проволокой. Вернее, оно когда-то было единым целым, но его раскололи, выбрали немного дерева из середины, а потом снова стянули вместе. Он спросил:

– И что? Будет гореть?

– Надолго хватит, – кивнул Геннадий. – Меня отец научил такие делать. Он охотник... был. Сейчас потеплеет – одежду посушим. Присаживайся, вон палки идут из стенки в стенку. Пехоту мы сюда не пускаем, но для богов войны можно исключение сделать.

Он погасил свечу. Снова настала кромешная темнота, только багровый огонек в нише чуть-чуть разгонял мрак.

– Капитально обосновались.

– Еще осенью здесь огневую соорудили. Была воронка, мы с Петрухой ее углубили, накрыли ветками. Снег выпал, закрыл все – совсем хорошо стало. Сделали, но стрелять с нее не стали. Больно уж наблюдать отсюда удобно. Если немцы в атаку пойдут – отсюда тоже все, как на ладони. Вон за ту тряпку потяни.

– Эту?

– Да. Она амбразуру закрывает. Утром ты сам все увидишь.

– А чего мы сюда поперлись на ночь?

– Сам подумай: можно было бы утром пойти, по темноте, но вдруг обстрел? Пришлось бы залечь, тем временем рассветет. Ложбинка просматривается плохо, но вход сюда от немцев виден. День бы пропал. Зато сейчас можно отоспаться в тепле и завтра на немцев полюбуйся. Прикинешь, что и как, вечером уползем, возьмем у связистов телефон и катушку и вернемся. После этого – хоть неделю тут сиди. Тут даже сортир есть. Сзади тебя, дыра ветками прикрыта. Так где там у тебя сухпай, Толик? Сейчас разогреем! – и довольно потер руки.

Лейтенант стянул верх маскхалата, вытащил противогазную сумку с продуктами и расстегнул ватник. В "берлоге" было уже довольно тепло. Ниша прогрелась, как печка. Полено медленно тлело изнутри и гаснуть не собиралось. Пожалуй, тут было не хуже, чем в землянке.

– Раньше в банке поджигали, – сказал Геннадий, – но горело слишком сильно и снег сверху подтаивал. А так – и тепло почти до утра, и маскировку не нарушает. Ты спи. Здесь немцы не ползают. Очень уж место открытое, от наших окопов все видно.

* * *

Надо было признать: выспался Толик неплохо, хотя и сидя. К утру снова стало холодно. Он, не просыпаясь, застег-

нул ватник, натянул рукавицы, но потом понял, что пора открывать глаза. Геныч сидел на своей "скамейке", подложив под себя одну ногу и смотрел наружу в оптический прицел винтовки. Лицо у него было напряженным.

– Что там? Немцы? – шепотом спросил лейтенант.

– Непонятное что-то творится, – ответил тот. – Неправильное...

– Что, к примеру?

– Открой дырку, выгляни.

Толик вытащил из проема скомканный мешок, посмотрел, потом поднес к глазам бинокль. Немецкая траншея выглядела, как обычно.

– Что не так?

– Присмотрись. По центру три куста, правее их. Видишь трех дятлов?

Найдя ориентир, лейтенант кивнул.

– Да. Стоят, курят. Не должны, что-ли?

– Не должны. Видишь там за ними картинку на стене траншеи?

– Плакат.

– Вот-вот... Фрицы их вешают в качестве напоминания, что место открытое и можно от меня, или Петрухи пулю получить. А эти трое стоят там и курят, как будто так и надо. Вывод: не местные они, не знают тут ничего.

– Будешь стрелять?

– Нет пока... Тебе как отсюда, вид нормальный?

– Отличный. Сейчас ориентирами займусь, связь протянем и завтра можно начинать, благословясь. Они у меня пляшут...

– У них окантовка погон розовая, а раньше белая была. Не знаешь, что этот цвет означает?

– Род войск. Точно – не знаю. Белый – пехота, наверное.

– Ушли... Нет, прав был Петруха: надо наставления учить на досуге. Никогда не знаешь, где что пригодится. По погонам и шевронам немецким лежит книжка в землянке, но я в поиски не хожу. Зачем она мне? Выяснилось, что есть зачем.

Геныч замолчал, думая, к чему бы на их участке мог появиться кто-то новый? Раньше такого не было. Если не пехота, то это либо танкисты, либо саперы, либо пушкари. Второе может означать, что они что-то строить будут, укреплять оборону. Третье – скорее всего то же самое. А вот первое... Он вспомнил, что ему говорил комбат: немцы не так давно утащили пленного. Неужели наступление готовят? Их вроде бы в Сталинграде зажали крепенько, вполне могут отвлекающий удар у нас организовать. Танки... Если это на самом деле танкисты, то где их танк? Он покосился на записывающего что-то лейтенанта (вот где наука!) и продолжил наблюдение.

В немецкой траншее снова наметилось шевеление. На этот раз над бруствером появилась каска, а рядом еще одна. Полное впечатление, что двое стоят рядом и курят одну на двоих. Вон и дымок пошел... Ну эти фокусы мы давно знаем!

Провоцируют на выстрел. Каски чуть покачивались, время от времени исчезая в окопе, потом спрятались.

Снайпер напрягся. Неужели снова на него поохотиться кто-то решил? Возможно... Но к чему тогда эти, которые с розовыми кантами на погонах? Немецкий снайпер не подставился бы так глупо. Не будь тут корректировщика, Геннадий бы точно выстрелил, помножив на ноль одного из фрицев. Было три танкиста, стало два...

Время тянулось. Геннадий продолжал смотреть на передний край немцев и думать. Толик закончил чиркать в своей тетрадке, устроился поудобнее, надвинул шапку на нос и закрыл глаза.

Не пройдут здесь танки. Речка течет поперек нейтралки. Неглубокая совсем, метра три шириной, но танку ее не перепрыгнуть. Но ведь через речку мост есть и отсюда его даже видно!

Он встал со своей "скамейки", передвинулся вправо, к самой стенке окопа и снова приник к прицелу.

– Вон оно что!

– Что там? – спросил лейтенант, подняв голову.

– Понял я, что им тут надо. Этим, которые с розовым кантом. Это точно танкисты. Они мост осматривали, который на нейтралке, пройдут ли там танки. Вон двое в маскхалатах оттуда ползут. Ловко ползут, я бы сказал. Не в раз заметишь.

В замкнутом пространстве землянки выстрел прогремел оглушительно. Толик, уже глядевший в бинокль в бинокль,

увидел, как ползущий вторым немец перевернулся и замер. Второй не сразу заметил, что остался один. Он продвинулся еще на пару шагов, обернулся и тоже уткнулся в снег.

Геннадий передернул затвор второй раз и спросил:

– Видел?

– Аккуратно сделал.

– Еще бы! Подтвердишь мне их потом, в штабе. Листочек из тетрадки своей не выделишь?

– Письмо домой написать собрался?

– Некому мне. Я смоленский, из колхоза. Там все разнесли. Груды кирпича, да бревна горелые... Нет. Донесение надо оформить. Подпишем вместе, утащим в штаб – глядишь и обломится чего.

Ремонт ремонту рознь

– Видишь его?

Вопрос был риторический. Стоящий в двухстах метрах от переднего края "КВ" был виден отсюда отлично. Подбили его еще три дня назад, во время контратаки и теперь он торчал посреди нейтралки, как кость в горле у начальства. Приказ: "Вытащить!" – но как это сделать? Выгнать на поле тягач означало подставить его под огонь немецких пушек, а рискнуть еще одним танком... Под трибунал пока никто не хотел.

Немцы ни жечь, ни взрывать танк не стали, хотя возможностей за два дня у них было предостаточно. Могли зенитку подтянуть на прямую наводку, или гаубицу, но по машине они не стреляли, значит приказ у них такой же: "Вытащить." Понять их было можно. Захвати такой трофеей почти целым – и сверли дырку под "Железный крест".

Воентехник второго ранга, которого ремонтники звали просто Петровичем, опустил бинокль и коротко ответил:

– Вижу.

Чин не велик, соответствовал лейтенантскому. На заводе он мастером смены был, а младший сержант технической службы, вместе с которым он сейчас сидел на ротном НП, бригадиром, так чего тут? Не в званиях счастье.

– Говоришь, по месту сделать можно?..

– Там две тяги оборвало и гусеницу натянуть – всего делов. На три часа работы. Топливо есть в баках, масло тоже.

– Ночью...

– Ну так днем-то они не дадут!

– А в темноте ты что сделаешь? Заметят свет – сразу хана, не выберешься. Хотя можно брезент найти и зачернить его...

– Так я уже того... нашел! И пехота поможет.

Судя по хмурому лицу командира роты, который присутствовал здесь же, помогать он не особо хотел. В роте после двух недель боев, как говорят в сводках: "местного значения", осталась меньше половины людей. Танк чей? Танкистов. Вот пусть они и помогают, раз бросили его.

– Пехота нам поможет разве что разведкой, – заметил воентехник. – Чинить они не станут, да и не доверишь им это дело. Звякнут молотком слишком громко и что тогда? Ночью звук хорошо разносится. Нет, чинить будем мы сами, а вас, молодой человек (он посмотрел на ротного) я прошу сегодня проверить подступы к танку. Немцы могли там мин набросать. Обидно будет сгореть на отремонтированной машине.

Тот кивнул. Что оставалось делать? Приказ из полка был категоричен, а рискнуть парой разведчиков все-таки лучше, чем атаковать немцев остатками роты, пока танк вытаскивают тягачом.

* * *

Ночью трое техников подобрались к танку, таща с собой инструменты, запчасти и пару запасных траков. Больше всего возни было со сбитой гусеницей. Поврежденный трак выкинули. Чтобы не греметь металлом, опорные катки обмотали кусками брезента, уже по этой "прокладке" протаскивали стальные звенья. Осторожно стянули их и зафиксировали длинными пальцами, тихонько постукивая по ним обернутым ветошью молотком. Потом забрались внутрь танка. Пока сержанты копошились внизу, в отделении управления, Петрович осматривался в башне.

– Эти засранцы даже затвор из пушки не вытащили, – прошептал он.

– Что? – спросили снизу.

– Танкисты, говорю, затвор оставили.

– А-а-а! Понятно. Немцы здесь ползали, не обратили внимания, значит.

– Как понял?

– Фляга ихняя валяется. Ремешок оборвался.

Петрович осторожно, чтобы не загреметь, открыл затвор и посветил в ствол пушки фонариком. Что его заметят немцы, он не опасался, пушка смотрела вверх. Внутри было чисто. И три фугасных снаряда в боеукладке...

– Вы там как? Скоро?

– Десять минут – и можно ехать.

– Зер гуд!

Высунув голову из люка, Петрович тихонько посвистел. Из темноты привидением выполз разведчик в плащпалатке.

– Сматывайтесь, – сказал ему воентехник. – Скоро заведемся, тогда здесь жарковато станет.

Тот молча кивнул и исчез. Снова усевшись на место наводчика, Петрович проверил механизмы наводки. Все работало. Панорама и прицелы тоже были целы. Наши, видимо, забыли все на свете, когда гусеницу потеряли, но почему немцы их не сняли, или не разбили, было непонятно. Может быть, хотели получить танк целехоньким?

– Как дела? – спросил он, глядя вниз.

– Скоро.

– Не спешите. Рассвета подождем.

– Зачем!?

– Надо. За Питер посчитаюсь с ними...

Постепенно снаружи светлело. В панораму уже можно было различить передний край немцев и Петрович решил.

– Саня! Лезь сюда. Заряжать умеешь?

– Спрашиваешь!

– Отлично. Колян, давай за рычаги. Сейчас заведешь и на малых оборотах погоняешь тихонько. Как выстрелю третий раз – тяни задним ходом, по прямой. Есть у меня все-таки опасение насчет мин. Понял? Движок заведется – будет шумно, так что поговорить не получится. Надеюсь, этим уродам хватило времени, чтобы проснуться и на наблюдательном пункте собраться.

– А ты знаешь, где он?

– Знаю. Рассвет в стеклах бинокля отразился, я заметил.

И стереотрубу видно, если присмотреться.

Все трое заняли свои места. Мотор завелся и заревел. Лязгнул снаряд, уходящий в казенник пушки. Заряжающий отодвинулся подальше от нее и башня танка медленно повернулась. Прицелившись, Петрович выждал немного и нажал на педаль спуска. Орудие рявкнуло.

В панораме было отлично видно, как взрыв поднял в воздух бревна и доски. У немцев в небо взлетело сразу три осветительных ракеты, но они лишь подсветили новые цели для наводчика. Снова лязг снаряда, который оглушенные выстрелом техники уже почти не слышали. Второй выстрел! Снаряд взорвался на позиции минометной батареи. Третий разнес пулеметное гнездо и только тогда водитель на малой скорости повел танк назад, к своим.

* * *

Рассказ основан на реальных событиях, описанных в мемуарах А.У. Тарасенко "Вторая танковая индустрия"

Танкист-подводник

Воентехник спрыгнул с остановившейся на дороге "полуторки" и махнул водителю тягача рукой в сторону маленькой группы людей, стоявших на берегу реки. Тот кивнул из своего люка, лихо развернул свою машину, которая была обычным Т-34, пока с нее не сняли башню и погнал ее в указанном направлении.

– Отъездь вон туда, под деревья и замаскируйся, – сказал воентехник водителю грузовика и не особенно торопясь пошел за тягачом, по примятой гусеницами траве.

Речушка была, что называется: переплунуть можно. До другого берега всего метров двадцать. Берега – песок и довольно плотный суглинок (он уже привычно прикидывал, справится ли тягач с работой).

Подойдя, он пожал руки своему ремонтнику, поглядел в упор на стоящего рядом лейтенанта в черном комбинезоне, спросил у сержанта:

– Где он, Саня? Хотя и так ясно. Вон же следы!

Где танк уехал под воду, действительно было отлично видно и по следам, и по расплывающемуся на поверхности радужному масляному пятну, которое постепенно сносило вниз по течению.. Вероятно, единственный омут на всю речушку и в длину всего-то шагов десять, но утопить "трид-

цатьчетверку" доблестному защитнику Родины места хватило.

– Ну что, – воентехник посмотрел на танкиста. – Как же ты докатился до жизни такой?

Тот хмуро ответил:

– Как-как?.. Простым каком! Гнал машину в полк со станции, остановился воды набрать. Тут "мессеры"... Я – внутрь, завелся, по мне сверху из пушек... Ну и дернул с места на третьей.

– ... и стал подводником!

– Пока задним ходом пытался вытянуть, сполз еще глубже. Пришлось выбираться. По дороге самоходы наши проходили – связался с полком по радиии, вызвал помощь.

– А экипаж где?

– Экипаж пока я один. Приеду в полк – наберу "безлошадных".

– Ясно... Саня! Все, что нужно в машине. Тросы, шланг... Вытаскивайте с Колькой, – он показал на тягач. – А мы с танкистом пойдем в лес.

– Зачем? – удивленно спросил лейтенант.

– За дровами, родное сердце, за дровами. Надеюсь, тебе не надо объяснять, зачем дрова нужны?

Когда они вернулись с охапками валежника, два сержанта-техника уже раскладывали на берегу тросы и длинный резиновый шланг. На дрова плеснули немного солярки, костер загорелся коптящим пламенем и воентехник наконец соиз-

волил пояснить танкисту:

– В воду лезть придется, а она холодная. Если не будет, где погреться, то люди простынут. Могут и воспаление легких схватить.

– А-а-а! Понятно.

– Сейчас еще ладно, август месяц на улице, а было дело: мы в январе вот так же в воду лазили и утонувший "КВ" выдергивали двумя танками.

Он закурил, глядя, как Саня крепит хомутами на переходнике резиновый рукав с одной стороны и противогазный шланг с другой.

– Зачем? – спросил танкист.

– Затем. Ты ведь передачу не выключил? Наверняка нет... Вытаскивать будем – гусеницы раскрутят дизель, он наберет воды. Тогда хрен мы его заведем сразу, придется разбирать, да и не факт, что вообще на передаче сумеем выволочь. Грунт слабый. Нужно забраться внутрь, снять рычаг кулисы с передачи. Это наощупь сделать сложно, а противогаз надел, дышишь через шланг – и ныряй, сколько хочешь... Пошли-ка, еще разок до леса ходим. Эй, Саня!

– Аюшки?

– Быстрее давай! Солнце скоро зайдет, а нам еще заправлять его и масло менять.

– Петрович, ты-ж меня знаешь!

– И шланг проверь как следует, прежде чем в воду лезть. Пойдем, танкист.

Вернувшись из леса во второй раз, офицеры обнаружили "тридцатьчетверку" вытащенной на берег а водителя – копошащимся в моторе. Второй техник грелся у костра, сидя на корточках, накрывшись брезентом и не озадачивая себя одеванием.

– Тащь воентехник второго ранга, долаживаю! – сказал он, шутливо приложив руку к "пустой" голове. – Машину вытащили, но не знаю, ту ли, что надо.

– Их там что, не одна, – удивился танкист.

– Так точно, не одна! Вторая, судя по пушке, немецкая "тройка" и стоит она там, как я думаю, еще с зимы, когда они тут наступать пытались. Под лед ушла. Неплохо бы нам трофейную на сборный пункт оттараканить, как думаете? Может, медаль дадут!

– Сначала этого заведем. Коля, где ключи?

– У меня! – отозвался перемазанный маслом водитель.

– Дай разводной. Солью баки...

...

На закате "тридцатьчетверку" наконец удалось завести. Немца зацепили под водой тросами, дернули двумя машинами и выволокли на берег. Воентехник с трудом вскрыл ломом верхний люк, осветил внутрь фонариком и покачал головой.

– Коля! – крикнул он. – Тащи лопату из машины.

– Что, экипаж там остался?

– Ага, весь. Похоронить нужно. Не везти же скелеты с со-

бой на базу – люди засмеют. Боекомплект тоже выкинуть не помешает.

Сержант почесал пятерней стриженный затылок.

– Зря я про фрица сказал...

– Это точно. Но никто тебя за язык не тянул. И ты же хочешь медаль?

Этот мир несправедлив

Смотри сам, Киря... Наш ротный воюет сколько? Третий месяц. Пришел лейтенантом, после учебки. Через месяц ротного убили, его поставили. Сказали: "У тебя замполит хороший – он поможет освоиться" – и отправили представление на звание. Дальше замполита тоже в госпиталь увезли через две недели. Остался лейтеха один и ты думаешь, он что-то умеет и знает? Это когда-нибудь, после войны, в училищах начнут нормальных офицеров делать, а сейчас... Потому и потерь столько.

Но это я так, к слову. Суть вот в чем: никто тебе толком боевую задачу никогда не поставит, потому что никто не умеет этого делать. Приходишь к такому. Говоришь: "Я такой-то. Из полка прислали." Он: "Ага, снайпер! Иди, стреляй." Он думает, что я сейчас в окоп полезу, на передний край и начну фрицев валить штабелями! Он должен, по идее, установит границы поста и боевую задачу придумать, например: "Помешать подвозу боеприпасов." – но не дождешься ты этого. Он про такое даже не слышал никогда и все придется выяснять самому.

То есть мне нужно сначала осмотреться на переднем крае, поползать с напарником, выяснить, что и где у фрицев. Пара дней уйдет, не меньше. Потом позиции огневые подготовить:

основную и запасных несколько. Хорошо, если лес есть. С опушки можно стрелять, сколько хочешь. Тебя не видно, вспышку выстрела листва маскирует и звук тоже рассеивается. Вырыл несколько окопчиков, замаскировал и только ползаешь между ними, щелкаешь фрицев. Однако на это нужно время, а все требуют результат немедленно. Вынь им и положи на стол убитого генерала, не меньше. Вот так и получается, что приказ тебе отдает дурак, а потом он же и спрашивает с тебя, как с умного.

В общем, надеяться снайперу надо только на себя и на свою смекалку.

* * *

– Под танком.

Сгоревшая "тридцатьчетверка" торчала на пригорке посреди поля, как гнилой зуб.

– Думал об этом. Укрытый хватает, это не единственное. Пехота считает, что в кустах у него лежка. Но дело в том, что и кустов нет таких, чтобы нормально прикрывали. Вот если бы я на один день залег, то обязательно под танк. От него небольшая ложбинка идет в нашу сторону и со стороны немцев она не просматривается. Выстрелил – отполз сразу.

– Лишь бы там мин не было.

– Это точно... Как часто он выползает? – спросил Петр у командовавшего батальоном майора, с НП которого они

сейчас и разглядывали "нейтралку".

– Через день, как по расписанию. – охотно ответил тот.

– Это он вас приучает, чтобы каждый второй день не боялись, ходили спокойно. Потом выползет во внеурочное время, да не один, а с товарищами.

– Так он для этого старается?

– Почему бы и нет? Огневые у него уже подготовлены. Организуют разведку боем, у нас люди будут вынуждены высунуться – они и начнут. Полроты покоцают. Офицеров выбьют, пулеметчиков... Нашим на переднем крае будет совсем не весело. Роту собьют с рубежа, придется контратаковать, а делать это, когда против тебя снайперы, врагу не пожелаешь. Когда он охоту начинает?

– Обычно с утра. Вчера часов в восемь наблюдателя подшиб, первой же пулей.

– Орднунг у них. Проснулся, позавтракал и на службу. Хорошо...

– Что хорошо?

– Да это анекдот старый, товарищ майор. Врач большого осматривает и приговаривает: "Хорошо... Хорошо..." Больной: "Что хорошо?" Врач: "Хорошо, что не у меня!"

– Прикончите немца – посмеемся вместе, а пока мне не весело.

– Понятное дело, товарищ майор... Знали бы вы, как его выцепить – нас бы не звали. Значит с утра он начинает работу? Ладно. Этим и воспользуемся. Такой вопрос: у вас в

полку саперы имеются?

* * *

Вечером того же дня Петр инструктировал трех солдат, присланных из саперной роты.

– Значит так, ребята, слушайте меня внимательно...

"Ребята", каждый из которых годился ему в отцы, снисходительно усмехались.

– Немца мы будем ловить завтра, с утра.

– "Мы?" – переспросил самый старший из саперов.

– Мы. Ваше дело вот какое: нужно проверить вон ту ложбину, которая к танку идет на предмет мин. Это первое. Второе: проверить, нет ли мин вокруг танка и под ним. И третье: поставить там свои, штук двадцать, на расстоянии броска гранаты.

– То есть шагов тридцать?

– Да. Дело тут вот в чем: я фрица чпокну именно оттуда. Но танк близко к немецким окопам и они наверняка попытаются меня взять. Накроют из минометов, чтобы не сбежал, прижмут к земле и пошлют автоматчиков. Нужно, чтобы они до меня не добрались.

Те переглянулись. Старший кивнул и сказал:

– Ладно, поползаем там до рассвета. А как ты поймешь, где он?

– Это есть маленький секрет... – Петр усмехнулся. – Но

вам я его расскажу. Если стрелять утром, пока роса не высохла, или просто во влажном воздухе, то при выстреле образуется облачко тумана. Слабенькие, но заметное. С передовой его не видно, но я-то знаю, как смотреть и примерно знаю, куда. Сегодня ночью по приметам дождик будет. Подмочит землю, немец себя и выдаст выстрелом. Все просто.

– А если он не выстрелит?

– Выстрелит. У нас на этот случай имеется Гитлер.

– Кто???

– Геныч, продемонстрируй!

Напарник, улыбаясь, развязал завязки вещмешка и вытащил верхнюю часть и голову деревянного манекена, одетого в гимнастерку с лейтенантскими погонами. На голове были карикатурно нарисованы челка и усики. Саперы заржали.

– Сколько уж раз бывало: только высунешь его над бруствером – сразу прилетает. Видимо, у них там тоже не все его любят. Башку два раза уже меняли, а уж касок попортили!.. Ну все, инструктаж закончен. Давайте, ребята.

* * *

Саперы, закончив свое дело, ушли. Петр, пока они ковырялись в земле, закладывая трофейные "шпринген-мины", выкопал себе неглубокий окопчик и выложил дерн вдоль гусениц. Теперь тут можно было даже сидеть. Пока он копал, ему пришло в голову, что немец, возможно, выходит на свою

огневую не с утра, а как раз ночью. Забавно будет, если он действительно из под танка стреляет. Ах, как красиво было бы пленного притащить!.. Но похоже, что не судьба. Небо на востоке было уже совсем светлым. Он осторожно выглянул между катков и отметил, как тихонько колыхнулась веточка одинокого куста. Может быть, ее мышка задела, а может быть вовсе даже и не она...

"Ползешь, значит? Ну ползи, ползи... Я уже знаю, куда, только дай мне тебя увидеть!"

Он осторожно высунул ствол винтовки, обмотанный зеленой, разлохмаченной тряпкой и замер, не сводя глаз с нейтралки, стараясь не моргать. Минута тянулась за минутой. Немец так и не обозначил себя еще раз. Может, и правда мышь была? Что, если немец себе выходной устроил? Тогда весь день зря просидишь тут. Поднялся легкий ветерок, слегка покачивавший метелки травы на поле. Теперь смотри-не смотри – не отличишь, человек это ползет, или просто от ветра трава колыхнется.

Петр покосился в сторону своих окопов, потом на часы и снова сосредоточился на своем секторе. Гена уже должен был начать показывать деревянного Гитлера... Выстрел!

Все-таки он смотрел, куда надо. Туманное облачко сразу сдуло, но Петр уже заметил в прицел мушку "маузера". Поведя стволом, он разглядел и пятнистый немецкий камуфляж. Голову врага видно не было, но и того, что он видел, было достаточно.

Приклад трехлинейки толкнул в плечо. Немец подскочил, перевернулся, выронив винтовку и рухнул навзничь, разбросав руки. Дело было сделано. Теперь нужно было отучить фрицев от таких шалостей в будущем. Петр переместил ствол винтовки, поймал в прицел голову высунувшегося наблюдателя и снова нажал на спусковой крючок. Немца отшвырнуло. Видно было, как пробитая пулей каска подлетела на метр вверх. Легко и приятно стрелять с трехсот метров.

"Теперь точно засекли. Может быть."

Он лег на спину и начал сворачивать самокрутку. Спешить было совершенно некуда. Сейчас начнется минометный обстрел. Под танком он, как в танке. Пока немцы соберут штурмовую группу, пройдет четверть часа, не меньше. Чего время терять? Потом обстрел прекратят, чтобы не накрыть своих и он свалит с огневой восвояси. Пусть штурмуют. У Гены тоже винтовочка с прицелом есть и стрелять он умеет... Потом они напорются на мины... Им это не понравится... Потом увидят, что русский смылся и это им не понравится еще больше... Потом поползут назад... Доползет ли кто – вот в чем вопрос?

Он уже докурил, когда на поле хлопнула первая мина, а с нашей стороны застрочил короткими очередями "дегтярь". Так и было задумано. Патрон один и тот же, звук выстрела неотличим и под эту тарыхтелку на одиночные щелчки снайперки никто внимания не обратит. Сегодня у Геныча личный

счет изрядно прибавится.

Петр ощутил легкое сожаление. Вот так всегда: задумка твоя, главное дело сделал тоже ты, под танком ты сидишь и даже лицо Гитлеру ты нарисовал, а пользуются этим другие. Этот мир несправедлив! Он еще раз посмотрел в сторону убитого им немца. Нет, не делся никуда. Ноги точно так же торчат из травы. Ну и все, значит! Больше ползать не будет.

Четыре сбоку

– Ну и что теперь будем делать?

Задавший этот вопрос капитан посмотрел на командира орудия и поглядел в сторону дороги, на которой пули в очередной раз выбили несколько фонтанчиков грязного снега. Немцы палили по оставшемуся на дороге ватнику. Видимо принимали его издали за раненого и пытались добить. Выбраться отсюда днем нечего было и думать. Поселочек, в который они сослепу забрались ночью, простреливался с занятой немцами высоты насквозь, дорога тоже. Пушку "со-рокапятку" они оттащили под прикрытие четырехэтажного кирпичного здания, самого высокого здесь. Упряжных лошадей завели внутрь, так что тем ничего не грозило. Самим же оставалось только курить, потому что сухпай никто не взял, а у пехоты кроме мерзлого хлеба тоже ничего не было. Занимавшей поселок роте еду привозили через раз и тоже только по ночам.

– Костер разведем, тащ капитан! Погреемся. Я там бочку пустую нашел. Снега натолим, чаю попьем!

Сержант как всегда был весел и доволен жизнью. Бывший штрафник, что называется: "искупивший кровью", никогда не унывал. Всерьез расстроить его могло разве что прямое попадание танкового снаряда.

– Ага... Заодно и помоемся. Мне это очень пригодится, когда командир полка мне клизму будет ставить.

– Тоже верно. Отличную вы мысль подали, тащ капитан! И правда ведь, можно бочку располовинить, снега побольше натопить и водные процедуры устроить.

– Делай. Чем бы дитя не тешилось...

Из подвала вылез пожилой солдат в каске, валенках и надетой поверх ватника шинели. Близоруко прищурился, пока глаза привыкали к солнечному свету. Наконец спросил:

– Вы командир батареи будете?

– Я, – кивнул капитан.

– За вами ротный послал. С батальоном связь наладили, говорят. И это... Тут для вас крупы немного из неприкосновенного запаса достали. Сварите себе. Котелки есть?

– Да, есть. Это хорошо, отдай ее сержанту. Ну, пойдем...

Он поднялся и следом за солдатом спустился в подвал, откуда к ротному НП был прокопан ход сообщения.

* * *

Когда капитан вернулся, в комнате уже приятно пахло кашей. Ему сунули котелок и ложку. Он зачерпнул дымящееся жидкое варево и сунул его в рот.

– Ну как? – спросил сержант.

– Нормально.

– Я не о том. Из полка что сказали? Не разжаловали?

– Решили пока не расстреливать и велели войну выиграть. Тут видишь какое дело, Саня... Выяснилось, что мы здесь вовремя оказались.

– Как так?

– А вот так. Все равно бы сюда ехать пришлось. Полку поставлена задача взять ту высотку, на которой немцы сидят. Полк для этой цели пришлет сюда ночью еще одну роту и всю нашу батарею. Завтра – день на подготовку, послезавтра... Ну ты понял.

– Ага. Хреново.

– Не то слово. Их старлей ходит весь черный. Фрицы закрепились намертво. Народу положат немеряно, а нам стрелять придется снизу вверх. Лошадей напоили?

– Да. Нашли чистую бочку, в нее снега набросали, разогрели и им поставили. Васька для них корм нашел.

– Да ты что? Где?

– Тут у немцев госпиталь был. Они когда драпали, бросили матрасы. А в них – солома. Лошадки довольны.

Капитан закончил с кашей и протянул пустой котелок заряжающему. Затянувшись протянутой ему сигаретой, он о чем то задумался. Потом встал, подошел к окну, смотрящему на север и осторожно выглянул одним глазом. Долго смотрел и наконец отошел, покачав головой.

– Восемьсот метров примерно... Для нас это почти прямой выстрел, но снизу вверх стрелять прямой наводкой, да под огнем. Проще самим повеситься, хлопот меньше. Я там

как раз и балку подходящую видел, из стены торчит. Даже с тросом.

Он вдруг осекся, поднял глаза вверх, потом посмотрел в сторону лестницы.

– Что там, тащ капитан? – заинтересовался сержант.

– Госпиталь был, говоришь?

– Ага.

– Пойдем-ка, наверх сходим...

От крыши над четвертым этажом остались жалкие ошметки. Чердак был деревянным, пехота разбирала его на дрова, а немцы добавили беспорядка, положив сюда несколько мин. Он подошел к проему в стене, посмотрел вниз, потрогал блок, висевший на торчащей из стены балке и сказал:

– Ну да, точно! Госпиталь, раненые, а вот на этом блоке они сюда мешки с бельем поднимали. Им по лестнице ходить лень было. Как думаешь, Саня, выдержит такой трос нашу пушку?

Он кивнул на ручную лебедку, намертво вделанную в стену. Сержант потрогал трос.

– Вроде бы должен. Она ведь легкая, полтонны всего. Хотите ее сюда? Так ведь засекут нас после первого же выстрела.

– Значит надо сделать так, чтобы не засекли. Смотри, какая позиция! Мы с фланга и все их окопы – как на ладони. Пойдем вниз. Ты говорил, бочки пустые есть?

– Есть парочка.

В подвале капитан осмотрел немецкую металлическую бочку объемом полсотни литров и кивнул головой.

– Потянет. Возьми карабин, пойдем наружу.

Выйдя за ворота, он положил бочку на землю, вставил ствол карабина в горловину и нажал на спуск. Пуля продырявило дно, бочка отлетела. Выстрел гулким эхом прокатился по улице поселка.

– Ну как?

– По звуку на полковушку похоже, или на гаубицу.

– Вот именно! А полковая пушка, что характерно, может и с закрытых позиций бить. Немцы на это и подумают, нам только надо будет в такт попадать. Пошлем в поселок бойца, он даст пять таких "выстрелов" с интервалом в минуту. До кучи костерок разведем за домами и еще какую-нибудь активность изобразим, чтобы они не сомневались, что мы сюда батарею "бобиков" приволокли. Да вот хотя бы ящик из под снарядов на виду бросим. Пусть бьют по поселку. Я тем временем посмотрю, где у них что установлено. Сейчас пойду к пехоте, попрошу нам в помощь выделить десяток бойцов, а ты пока тросом пушку подцепи и лебедку проверь. Снаряды есть, прямо сейчас немцев пощупаем, пока солнце их подсвечивает. Посмотрим, где у них что стоит, ночью всю батарею сюда затащим, а утром начнем, с божьей помощью.

– Зачем откладывать хорошее дело!?

– Верно. Давай, Саня, работаем.

* * *

К полудню следующего дня все было закончено. Поднятые ночью наверх четыре "сорокапятки" расстреляли немецкую минометную батарею и перенесли огонь на окопы, уничтожая пулеметные гнезда. Подошедшая ночью рота автоматчиков под прикрытием их огня по сигналу ракеты без потерь миновала нейтралку и завязала рукопашный бой в траншеях. Вскоре обратно повели пленных. К тому времени пушки уже опускали вниз и одну за другой отправляли на захваченную высоту, на новые огневые позиции.

Чучело-хрючило

По капюшону плащ-палатки шлепали капли теплого летнего дождя. "Век бы такую погоду!" – думал Андреич, пробираясь по мокрой траншее. Немец не летает из-за облаков, снайперам тоже делать считай, что нечего. Ходи хоть в полный рост. Изредка протарахтит MG в белый свет, как в копеечку, напоминая о себе и снова тишина. Только дождь шелестит по брезенту. Сапоги, конечно, мокрые насквозь, но это ничего. Портянки сухие есть, а эти и подсушить можно. Считай: постирал лишний раз.

Сзади угрюмо топал вестовой, вызвавший его к командиру роты. Ефрейтору дождь не нравился. Он кое-как закрывал от капель свой ППШ и тихонько материл войну, фрицев, погоду, лужи под ногами и начальство. Ефрейтор к ним попал из морской пехоты, знал толк в ругани и в эпитетах почти не повторялся. Андреич даже удивился, слушая, в каких причудливых сочетаниях могут упоминаться русалки, морские черти, боцман и якорь.

Дверь ротного блиндажа тихо скрипнула. Старшина вошел, кивнул старшему лейтенанту (тот давно уже привык к его привычке фамильярничать) и покосился на стоявшего у двери солдатика. Солдатик был непонятный. Форма явно "х/б б/у" – вон и дырка заштопанная на плече, но шинель в

скатке новая и вещмешок тоже. Башка нестриженная, а ведь должны были подстричь. Может быть, с госпиталя? Тоже не похоже. Молодой совсем, необстрелянный с виду – уж это-то замкомвзвод сразу мог отличить. А где его оружие?

Старшина еще раз покосился на солдата и вопросительно посмотрел на ротного. Тот хмуро сказал:

– Вот, полюбуйтесь на этого кадра, товарищ старшина!

– За этим звали?

– Совет твой нужен. Чучкин, выйди пока за дверь.

Солдат поднялся и вышел. Дверь закрылась. Ротный посмотрел ему вслед и спросил:

– Андреич, правду люди говорят, что ты попом раньше был?

– Правду. Только я сан с себя не складывал, так что я и сейчас священник.

– Скажи, есть такая вера, что оружие в руки брать запрещает?

Все было понятно. Чучкин этот наверняка из сектантов и видимо упертый, раз винтовки нет. Вот только как его на фронт-то занесло? Таких в военкоматах фильтруют...

– Вера христианская брать в руки оружие не запрещает, – сказал он. – Петр-апостол меч поднимал, защищая Христа. Но если он, к примеру, из баптистов, то да, не возьмет.

– Не разбираюсь я в этой ереси... В общем: это чучело как раз уперлось. Винтовку не берет, стрелять отказывается. "Вера не велит!" Говорю: "Под трибунал пойдешь." Отвеча-

ет: "На все воля Божья!" Не знаю даже, что делать. Первый раз такое. Можешь поговорить с ним? Сам знаешь: свяжись с трибуналом – и это тебе долгонько вспоминать будут. А дальше что? Расстреляют ведь.

– Поговорить-то можно... Только ведь священник православный для них не авторитет. Они вообще протестанты.

– Да? И против чего протестуют?

– Нет, это церковь так называется: "протестантская". Попробовать можно. Зови.

– Чучкин! – заорал ротный. – Иди сюда!

Дверь снова скрипнула. Солдатик вошел и снова встал справа от двери. Старшина тем временем достал из под плащ-палатки кiset и начал свертывать самокрутку. Свернул, вопросительно посмотрел на старлея. Тот протянул зажигалку.

– Трофейная? – спросил Андреич.

– Чья же еще?

– Умеют делать... Ну а ты, значит, – он повернулся к Чучкину, – у нас в вере крепок?

Тот молча кивнул.

– Как же тебя звать?

– Харитоном.

– И как ты, Харитон, к нам сюда попал?

– С пополнением.

– Это понятно, что не немцы тебя с парашютом скинули.

Как тебя военкомат пропустил?

– Мне повестка пришла. Я явился. Ну... сказал, что не могу оружие... А они: "В маршевой роте тебе его и не дадут" – и сюда.

– Понятно...

Андреич кивнул. В военкомате решили, что на фронте разберутся. Ладно, будем разбираться.

– Скажи, ты Писание читал ли хоть раз?

– Читал.

– Грамотный, значит. Это хорошо. А помнишь про: "Богу – Богово, а кесарю – кесарево"?

– Помню. Но это не про оружие.

– Как раз про оружие и есть, – старшина затаился и выпустил густой клуб дыма. – Вот, к примеру, топор тебе вера не запрещает брать в руки?

– Нет.

– А ведь он – тоже оружие хоть куда. Или вот лопатка саперная – скажешь, не оружие? Смотри тогда!

Старшина почти без замаха метнул лопатку, которую только что вытащил из под плаща. Та с хрустом врезалась в косяк и застряла в нем.

– Это же инструменты...

– Верно. Убить чем угодно можно. Важно не это, а отношение. Но как ты из винтовки человека убьешь, если в ней патронов нету?

– Не знаю... Ударить можно.

– И лопаткой можно. Но лопатку ты в руки брать не бо-

ишься, хотя ею драться даже сподручнее. Как так?

Солдатык молчал, переминаясь с ноги на ногу.

– Ну так что? – старшина передал бычок ротному. Тот тоже затынулся. – Если винтовка без патронов – выходит, что ее можно в руки брать?

– Если без патронов – можно.

– Ну и зачем мне солдат без патронов? – спросил старший лейтенант. – Куда я его дену?

– Деть его как раз не проблема, начальник. В первой роте санинструктора на днях подстрелили. Этого "воина" нужно к нашему коновалу приставить, чтобы его натаскал раны перевязывать и будет пацан таскать сумку. А винтовку – да Бог с ним, пусть не заряжает.

* * *

Так и стал Чучело санитаром. Кличка прилипла к нему сразу, в первый же день. Башка лохматая, фамилия подходящая, а солдаты – народ простой и всегда рады над кем-то поржать. Смеялись, впрочем, беззлобно и никто его не шпынял. Санинструктора обидеть легко, а продырявят – кому пойдешь жаловаться? Вот то-то... С сумкой с красным крестом Чучкин не расставался, обязанности свои после недолгой практики у санинструктора второй роты выучил наизусть и никого особенно не интересовало, заряжено ли у него оружие. Через месяц забылось, кто он и откуда, потому что ро-

та в наступлении сначала потеряла половину состава, потом приняла пополнение, а потом сменился командир. Новый капитан религиозными пристрастиями солдат не интересовался, а за вынесенных под огнем с поля боя раненых представил Чучело к медали "За боевые заслуги". Тот был весьма удивлен и даже приходил к Андреичу посоветоваться, можно ли ему носить такую награду. Тот в ответ показал свою "За отвагу".

Наступление между тем продолжалось. Фронт продвигался на запад, в августе сорок третьего войска обошли Харьков и уперлись в оборону дивизий "Рейх" и "Викинг". Солдатам конечно никто не стал объяснять, кто перед ними. Приказ был очень простым: совместно с танками атаковать и занять какую-то деревеньку, от которой осталось только несколько груд кирпича. Рано утром, после артподготовки, роты пошли в атаку.

* * *

Старшина пришел в себя от боли. Болела рука. Левое предплечье будто огнем жгло. Голова тоже, казалось, сейчас развалится. Он равнодушно подумал, что это вторая контузия за три месяца и как бы после такого не съехала кукушка на сторону. Потом понял, что его куда-то тащат.

– Что за?..

Он закашлялся. В горле было, как будто его накормили

наждачной бумагой. Правой рукой старшина попытался нащупать на поясе флягу с водой, но конечно ничего не нашел.

– Держите.

– Спасибо!

Вода была затхлой, но показалась райским нектаром.

– Ты кто?

– Чучкин я.

– А-а-а! Ты где меня нашел?

– Там... У вас рука сломана. Я шину наложил. А еще кровь из носа.

– Понятно. А чего у тебя голос хрипит и вроде как хрюкает что-то?

– Меня тоже того... Подстрелили. Но я вас дотащу, вы не бойтесь.

– Я и не боюсь. Ну-ка, сплюнь мне на бинт! Да у тебя кровь в слюне. Легкое задето, небось?

– Я... Ничего. Дотерплю как-нибудь.

– Вот балда! Как же ты меня-то тянул? Давай, показывай, чего ты там сам себе перевязал.

Через четверть часа старшина вытер руки окровавленным бинтом и кивнул.

– Вот теперь дотянешь. Давай, поднимайся на ноги и пойдем не торопясь. До дороги полкилометра, а там санбат совсем рядом. О! Ты и карабин мой прихватил. А он ведь заряжен!

– Так он же ваш, не мой...

– Твоя винтовка тоже не у тебя первого побывала. Эх ты, Чучело-хрючило! Ладно. Пойдем, грешник великий, а то темнеет уже.

Щедрость русского танкиста

Набитый битком пассажирский вагон не спеша катился за паровозом, по Румынии, которая очень вовремя превратилась из врага в союзника. Сами румыны пока еще к русским как следует не привыкли, но выданные в качестве денежного довольствия леи брали охотно. Брали и рубли, так что вина было хоть залейся и занявшие три купе возвращающиеся из госпиталя офицеры культурно бухали второй день, не обращая особого внимания на румынскую публику.

Они специально выбрали местный поезд. Старшего по команде надоумил земляк в комендатуре: "Езжай на этом!" Военные эшелоны гнали сквозняком, без задержек, а "трамвай" подолгу стоял на разъездах, пропуская теплушки с пехотой и платформы с танками. "Куда спешить? Войну без нас не закончат, а если и закончат, так мы не обидимся. Приедем, отметимся у коменданта, дальше – в полк резерва офицерского состава, потом снова в танки, ну а в танках уже – как повезет." Деньги пока были, беречь их по дороге на фронт никто не собирался. Выданный на дорогу сухпай даже не трогали. Ели сероватый румынский хлеб, запивали красным вином и общее мнение было таким, что так можно бы ехать хоть до Берлина.

– Паша у нас в Бухаресте ихнем отличился, – рассказывал

коротко стриженный старший лейтенант, державший в руке большой кувшин с вином. – Эй, Паха!

– Чего тебе? – донеслось из соседнего отсека.

– Расскажи, как ты без очереди в кино пролез.

– Да ну тебя!

– Ну расскажи! А я тебе стаканчик налью...

В проходе появился здоровенный лейтенант, которого непонятно, как вообще в танковые войска взяли. Еще немного – и плечи не вошли бы в люк.

– Стаканчик? – спросил он.

– Ага...

– Давай, наливай.

Лейтенант уселся на сиденье, взял маленький румынский стакан, до краев полный красного, отломил горбушку и начал:

– Бухарест мы заняли, как сейчас помню: 31 августа. Последний день лета был. Немцы там конечно еще кусались, но ясно было, что город им назад никто не отдаст. Там мне и прилетело в бочину пара мелких осколков от мины, во время разведки. Фигня, за две недели зажило. И тут мне один кент предлагает в город сгонять. Я: "Зачем? Они же союзники, их даже на предмет выпить не тряханешь." А он сказал, что они тут рубли берут!

– Я тогда тоже удивился, – подтвердил сидевший у окна капитан. – Рубли, оказывается, даже в сорок третьем тут ходили. У нас один пацан был из партизан, родом с Молдавии,

он рассказывал.

– Во! А мне незадолго до того за два подбитых танка выписали в финчасти. Полный карман бумажек, а куда их деть? Разве что в карты продуть. Сел в госпитале – масть пошла, еще выиграл! Ну и что? Решили сделать марш-бросок. Зашли в какой-то кабак, на пальцах растолковали, чего хотим. Притащил он бутылку водки ихней, закуски всякой. Сидим, отдыхаем, табак местный курим, официант на цырлах вокруг бегаёт, чего-то бормочет... Я думаю: "Денег хочет. Сколько ему дать?" Вытащил из кармана сотню, сунул ему. Он убежал, вернулся еще с одной бутылкой. Нормально! Теперь цены знаем...

– А кино-то когда было?

– Терпение! Сидим мы, значит... Одну бутылку уже уговорили. Смотрим: напротив кабака какая-то вывеска и туда стоит очередь, несколько мужичков. Мне зема говорит: "Там кинотеатр, наверное!" Мне сразу захотелось кино посмотреть. Хрен с ним, не пойму ничего, зато с полным правом потом у себя в бригаде похвастаюсь, что культурный уровень повысил. Нам к тому времени уже на хвост пара летчиков сели. Добили мы с ними второй пузырек по-быстрому, чтобы с собой не таскать, они остались, а мы пошли через улицу. На очередь конечно внимания не обратили никакого. Заходим... Мать честная! Я думал, такое только в старых книжках про буржуйскую жизнь бывает. Никакое это не кино оказалось, а самый настоящий... не знаю даже, как назвать. Ко-

роче: бабу там за деньги снять можно было.

Купе заржало в восемь здоровых глоток.

– Это вы удачно зашли!

– Еще бы! И без разведки, вот что самое главное! Потом туда весь госпиталь бегал, пока особист не прочухал это дело, а тогда я поначалу слегка того... как будто с "тигром" нос к носу столкнулся в городе. Сидят три девки на диванчике, смотрят, улыбаются... Потом думаю: "Триппер не ловил – значит и не жил!" Достаяю из кармана еще одну сотенную. Девки смеются и тычут пальцем на окошечко в стене. Там у них касса была. Я сотню сунул, два пальца показал, кассирша сразу всекла, что без сдачи. Дает мне два билетика. Я врубился в систему. Значит билетик даешь той, что понравилась и идешь с нею. Ну я рыжую выбрал и мы пошли. И знаете что?

– Давай, рассказывай!

– После меня она сразу домой отправилась, вот такой походкой – он приподнялся и показал некое подобие ходьбы в раскорячку. – Работать в тот день не смогла больше. Но я ей еще один столик на память дал. Пусть помнит щедрость русского танкиста.

– А что замполит? – спросил тот же капитан. – Он с тобой потом то же самое не сделал?

– Пытался. Но я уже выписывался и мне по щиколотки были и замполит, и на его предъявы. Пусть на фронт за мной с ними бежит.

Послесловие

Эта книга была составлена из рассказов, публиковавшихся в свое время в моем блоге на яндекс.дзен. К сожалению, дзен сейчас окончательно превратился в новостную помойку и подобный контент там неуместен. Поэтому всех, кто читал там мои рассказы, я приглашаю на LiveJournal:

<https://rivvv.livejournal.com>

Удачи!